

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

ЧТОБЫ НАЙТИ
СЧАСТЬЕ,
НУЖНО ИДТИ
НА СВЕТ

ПРИСНИСЬ

Девочки мои. Психологические романы Ю. Лавряшиной

Юлия Лавряшина

Приснись

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Приснись / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо», 2024 — (Девочки мои.
Психологические романы Ю. Лавряшиной)

ISBN 978-5-04-199690-1

Юлия Лавряшина – автор более 50 книг прозы для взрослых и детей, ряда пьес, киносценариев. Член Союза писателей России, лауреат Международной детской литературной премии им. В. П. Крапивина. Вместе с сыном, молодым композитором Евгением Лавряшиным, пишет песни и мюзиклы. Отличительными чертами ее прозы являются напряженный сюжет и психологическая глубина.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199690-1

© Лавряшина Ю. А., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Юлия Лавряшина

Приснись

© Лавряшина Ю., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

ПРИСНИСЬ

МОСКВА
2024

* * *

Прямо на траве среди кустов под моим окном сидит мальчик с золотой головой. Конечно, на самом деле у него только волосы рыжие или, скорее, медные, но когда смотришь с третьего этажа, кажется именно так... Этот ребенок появился недавно, они с мамой поселились в соседнем подъезде: то ли снимают квартиру, то ли купили, в такие подробности я не лезу. Но мальчишке явно одиноко в нашем дворе, он ни с кем не успел познакомиться, потому и прячется среди кустов. На вид ему лет семь-восемь, хотя трудно судить по макушке, а его лица я не вижу.

Может, он совсем не чувствует себя одиноким и вокруг него сейчас оживают невиданные миры, но у меня все равно замирает сердце, когда я смотрю, перегнувшись через подоконник, на его маленькую фигурку внизу. Не скажу, что я была счастливым ребенком, но у меня всегда была Милка...

Хочется сделать что-то для этого мальчика, который вряд ли ждет подобного от незнакомой соседки... Я медленно осматриваю комнату, и меня осеняет! Через несколько секунд из моего окна вылетает крылатый кот и направляется прямиком к ребенку. Заслышав жужжание, рыжик, наверное, запрокидывает голову, но этого я уже не вижу – прячусь, чтобы появление летающего кота показалось ему чудом.

Эту заводную игрушку мне подарила Милана лет десять назад, чтобы кот поднимал мне настроение, когда ее нет рядом. И он исправно выполнял свои обязанности все эти годы... Пришло время сменить хозяина, этому ребенку сейчас компаньон нужнее. Милка не обидится, она всегда понимала меня лучше всех.

Снизу доносятся возгласы, что-то вроде:

– Ух ты! Круто!

Замерев у окна, улавливаю, как жужжание обрывается – мальчик ухватил кота. Сейчас они знакомятся, я представляю его счастливую улыбку, и мое сердце колотится как заполошное. Надеюсь, этого не слышно внизу. Я не выгляну из окна, только сброшу пульт, ведь мой маленький сосед наверняка думает, что летающего друга ему послала прекрасная волшебница. Поэтому лучше ему не видеть меня.

Почему? Я некрасива и толста. При маленьком росте я – типичная кубышка. Имею в виду пузатый глиняный сосуд, а не водное растение...

Принимаем как данность. Чем напрасно обмусоливать эти слова, упиваясь безнадежностью, пропитавшей каждый слог, лучше прислушаться, как заливадается безымянная птаха в густой листве черемухи, растущей прямо за моим окном. Я точно знаю, что дереву двадцать три года: мы посадили его с папой накануне дня, когда он отвел меня в первый класс. До этого в моей комнате в бутылке с водой жила веточка, источая аромат нежности и робких надежд, и каждое утро я проверяла – пустила она корни или нет? Когда это произошло, я с утра пораньше с индейскими воплями ворвалась в родительскую спальню и принялась скакать по свободной половине большой постели. Как только не разнесла кровать на щепки?

К тому моменту папа уже полгода спал в ней один. Он так и не рассказал мне, почему вдруг уехала мама. В самом деле – вдруг... Не сказав мне ни слова, не поцеловав на прощание. Может, ей противно было каждый день видеть такого ребенка, как я? Больше напоминающего неуклюжего слоненка с большим носом и маленькими глазками... Или она просто влюбилась и ее унесло волной такой мощи, о какой я и не догадываюсь?

Папа молчит об этом уже много лет. И по утрам, когда я изображаю на обожаемом им омлете какую-нибудь мордашку, солнышко или сердечко, чтобы он улыбнулся, сев за стол. Выкладываю их зеленым горошком или мелкими кусочками помидоров, а если на завтрак каша, то разрисовываю ее ягодами – летом свежими, зимой выживаю из варенья.

Это всегда срабатывает, и папа уходит на работу в хорошем настроении. Но не заикается о главном...

Молчит об этом и по вечерам, неизменно находя в кармане халата маленькую шоколадку к вечернему кофе – все как он любит. Вот тогда папа расслабляется и рассказывает... обо всем, случившемся за день. Я узнаю, какие гениальные конструкторские решения нашли ребята его бюро, какую шутку он придумал сегодня, как вела себя Краля – дворняга, живущая на территории их предприятия, всеобщая любимица. Только не о том, почему мы с ним остались вдвоем.

Знает ли он сам причину или так же много лет теряется в догадках, впивающихся в сердце, точно осколки стекла? Наша жизнь и впрямь оказалась стеклянным шаром, до жути непрочным... Я не допытываюсь, кто из них выступил тайным стеклодувом, не ковыряю свои и папины раны. Бессмысленно.

Так же, как напоминать себе, что я некрасива.

Это признание вовсе не мерещится мне в шелесте черемухи, к которой я привязана почти как к Милке, – с деревом мы тоже выросли вместе. Я зову ее Сашкой в честь героини любимой в детстве книги «Дорога уходит в даль...» Если Милана занята, а мне не терпится поделиться чем-то, я приоткрываю раму и нашептываю о заветной Сашке. В ее черных ягодах вовсе не застыла скорбь, они крупные и сладкие, я собираю их прямо из окна и ем немывыми. А потом злорадно ухмыляюсь, показывая перепачканные зубы зеркалу, которое, верно, думает напугать меня отражением. Наивная стекляшка! Сашка смеется вместе со мной, мелко подрагивая листиками.

Черемуха не единственная, кому я дала имя. В палисаднике у подъезда растет белый шиповник Гоша, названный тоже не просто так, а в честь приснившегося однажды светловолосого малыша с нежными пухлыми щечками. Во сне он был моим сыном, и я целовала его личико, обмирая от нежности, едва трогая губами... В них до сих пор живы щекочущие касания его пушка на макушке. Как могут ночные видения быть настолько тактильными? Он издавал грудные трели, которые все еще звучат в моем сердце, хоть я уже смирилась с тем, что этому сну не суждено сбыться...

Но мои дни вовсе не начинаются и не заканчиваются рыданиями перед зеркалом, в котором отражается нечто, имеющее ко мне весьма условное отношение. Не скажу, что это зрелище вызывает тошноту, все же у меня было почти тридцать лет, чтобы привыкнуть к тому, как я выгляжу, но и задерживаться перед магической гладью, поглощающей отражения, не тянет. С зеркалами вообще надо держать ухо востро – это известно всем, кто читал в детстве сказки.

А моя прабабушка предупреждала, что зеркало утягивает красоту, поэтому смотреться в него нужно пореже. Правда, говорила она это не мне...

О своей некрасивости я узнала уже на следующий день после того, как мы с папой посадили черемуху. Положив на парту букет пионов, я с трепетом ждала, кого же учительница подарит мне в соседи и, конечно же, в друзья! Разве не так бывает в школе? И чуть не задохнулась от восторга, когда она подвела ангелоподобного мальчика, на которого страшно было даже взглянуть в открытую.

Но внезапно он скривился и выкрикнул так громко, что зазвенело в ушах:

– Женька – уродина! Я не буду с ней сидеть!

Откуда он узнал мое имя? Или слухи о страшненьком слоненке за семь лет расплозились по всему району? Еще и фамилия у меня Ширина... С ударением на первый слог, но те, кому власьть кольнуть побольнее, конечно, переносят его на последний.

Фразы-стрелы, выпущенные тем мальчиком, вонзились в сердце и голову. Мир вокруг вспыхнул молнией, не знающей жалости только потому, что она из другой среды, и погас – на миг я ослепла и оглохла от боли. Она была нестерпимой до того, что я... расхохоталась.

Не знаю, возможно, сбойнула некая защитная реакция организма, но с тех пор любая обида вызывает у меня приступ смеха.

Трудно поверить в это, но в тот раз мне на помощь пришел весь класс. Уж не знаю, как случилось, что вместе собрались самые лучшие ребята на свете... Мы прошли все школьные испытания, как верные присяге бойцы – плечом к плечу, и наш чат до сих пор ведет довольно бурную и уж точно не формальную жизнь.

В тот день я, семилетняя, вытирала счастливые слезы, выдавленные смехом, слушая, какое жизнерадостное ржание сотрясает воздух. Кажется, тогда в общем хоре я различила удивительно звонкий Милкин смех... А красивый мальчик, имя которого давно забылось, попятился, покрываясь багровыми пятнами, выскочил из кабинета и вскоре исчез из школы совсем. Уродина выставила его дураком, что оказалось куда хуже... Боюсь, выбегая в пустой коридор, тот мальчишка виделся себе злобным карликом, которому не нашлось места в компании нормальных детей. И его ждал долгий одинокий путь...

С тех пор минуло уже два десятка лет, которые не сделали меня краше (разве что еще толще!), но с того сентябрьского дня меня занимает психология красивых мужчин. Каково это – быть свободным от любых комплексов? Идти по миру уверенной поступью победителя, не отступающего на выбоинах? Не допускать даже грана сомнения, что тобой любуются все вокруг и каждой девушке хочется поймать твой несравненный взгляд?

Честно, я не жалею о жизни! Но хотя бы на часок мне хотелось бы побывать в такой прекрасной шкуре... Понять: эти красивые, высокие мужчины с правильными чертами лица и поджарыми телами влюблены в себя до абсурда? Или с годами перестают замечать свою красоту точно так же, как я собственную неприглядность? Осознают ли они, что мир полон куда более интересных вещей, чем форма носа? Даже если она безупречна...

И главное, способны ли относиться к себе с иронией? Или же красивое лицо, подобное солнцу, неистово иссушает ту тайную железу, в которой зарождается умение посмеяться над собой?

– Глянешь на тебя – вечно сияешь, – неодобрительно замечает наша соседка, когда я выхожу из подъезда. – Чему радуешься-то?

– Вас встретила, вот и радуюсь!

Говорю искренне, потому что именно ворчливая Валентина Ивановна с вечно разваливающимся пучком на голове помогала мне, тринадцатилетней, со всякими женскими премудростями, о которых я слышала и читала, но не смогла разобраться на практике. А для Милки этот период жизни еще не наступил... Делилась соседка и секретами, как правильно приготовить варенье, чтобы ягоды не развалились (чем потом рисовать на каше?), и почему огурчики получаются хрустящими при засолке.

Хотя при этом бубнила, хмуря яростно подведенные карандашом брови:

– На гитаре бренчать каждый может, тоже мне – профессия! Хоть готовить научись, раз деньги не умеешь зарабатывать.

А через четверть часа неизменно просила:

– Сыграй мне, а? Для души...

Такая вот смешная у нас соседка.

Сейчас мне не до смеха: за спиной мой ученик с ненавистью дергает гитарные струны, издающие сиплые звуки, которые напоминают стоны пленного с кляпом во рту. А я смотрю на амариллисы на подоконнике: цветущий белым – это князь Мышкин, а жгуче-красная, конечно же, Настасья Филипповна. С ними приятно поговорить, пока не начались уроки, они понимают меня почти так же, как черемуха, ведь они тоже посажены моими руками. Но Сашка живет дольше, так что лучше знает этот мир...

За спиной раздается протяжный вздох, и это уже не гитара:

– Ну, бли-ин...

В нашей школе искусств Миша Кравцов хотел заниматься лепкой, но его папа изложил свою жизненную стратегию в двух фразах:

– Кому на хрен нужны эти бирюльки? А с гитарой хоть по электричкам сможешь зарабатывать!

В жизни не встречала человека, желающего своему сыну такого конкретного будущего... И, кстати, электрички у нас не ходят.

Пальцы у Мишки ловкие, быстрые, но одно это не поможет ему в совершенстве овладеть гитарой, которую он ненавидит.

– Достаточно, – прошу я.

Мне больно за них обоих.

Симпатичное Мишкино личико уныло обвисло, безнадежность давит на его плечи, зудит в кончиках пальцев, стертых о струны. Он смотрит на меня взглядом каторжника, у которого впереди еще целая бездна мучений.

– Хочешь, я еще раз поговорю с твоим папой?

– А смысл? – откликается он по-взрослому. – Разве мой папа кого-то послушает?

– Я учитель. Ко мне он должен прислушаться.

Миша издает невнятный звук, похожий на «пф-ф», выражая крайнюю степень падения учительского авторитета в обществе. И возразить на это нечего... Но я уже знаю, что не сдамся, ведь меня ничуть не привлекает роль мучителя этого ребенка. Я не могу заставить ученика полюбить гитару, хотя сама с ней не расстаюсь и даже спать укладываю рядом, как любимую дочь. Единственную.

Мишка со стариковской угрюмостью смотрит в пол. Такое выражение я не раз замечала у постояльцев дома престарелых, куда раз в неделю захожу просто поиграть. Разумеется, бесплатно. Мне нравится наблюдать, как их лица светлеют, омытые паутинными волнами музыки, но с Мишкой этот номер не проходит. Он терпеть не может мой инструмент... При этом я ничуть не сомневаюсь: если б Миша Кравцов познакомился с гитарой как слушатель, то открыл бы сердце ее колдовским переборам. Неправильность была в самой их встрече...

– Хорошо, что я выбрала гитару, а не твой контрабас. С ним мы могли бы мериться бедрами! И зрители мысленно прикидывали бы: у кого из нас больше объем?

Моя коллега, преподаватель по классу виолончели и контрабаса, откликается смехом, точно зная, что не обидит меня. С Ниной мы работаем в музыкальной школе уже лет десять, и у нее было время убедиться: я не притворяюсь такой.

– Ой, Женька, ты как скажешь... По кофейку?

Как Нине удалось раскрутить нашего нового директора на хорошую кофемашину, до сих пор остается загадкой даже для меня. Хотя с длиной ног как у Джулии Робертс и похожей улыбкой, думаю, это не составило ей труда. У меня от кинозвезд, пожалуй, только нос, как у Барбары Стрейзанд, которую я, понятное дело, обожаю... В шестнадцать лет я часто повторяла себе: уж если она с таким носом стала кинозвездой, то мне не составит труда одолеть жизнь обычного человека. Сейчас я больше не нуждаюсь в подобном самовнушении, ведь выжить мне уже практически удалось.

И знаете, что самое поразительное? Я обожаю этот мир!

* * *

Ненавижу этот мир.

Родился я с этой ненавистью в мире, лишенном солнца. Вы в курсе, что в Москве двести пасмурных дней в году? С детства низкое небо осыпало меня серыми хлопьями уныния, вот почему то и дело тянет взвыть – я постепенно превращаюсь в волка.

Или я рос обычным мальчишкой до того момента, когда пошел гигантский град? До сих пор слышу, как он стучит по окну, через которое, вскарабкавшись на подоконник, я следил, как «Скорая» увозила маму. Какие слова он выбивал? Или только одно-единственное? Мне до сих пор трудно выговаривать его даже мысленно... Только будь я проклят, если кому-нибудь в этом признаюсь!

Отчим тогда не поехал с ней, в те годы еще не вошло в моду, чтобы мужья присутствовали при родах. Наверное, поэтому у меня застряло в памяти: Коновалов не спас ее. Сволочь.

Градины, похожие на ледяные пули, изрешетили мамино тело, и она истекла кровью.

Так и не сказав мне ни слова, Коновалов напился вечером, а утром за мной приехал мой родной отец. Такие машины, как у него, никогда не появлялись в нашем дворе, и поглазеть на «шикарную тачку» сбегались все окрестные пацаны. В другой день это стало бы источником ликования, но тогда я не чувствовал ничего. Я весь целиком был онемевшим, как отсиженная нога. Колоть стало позднее...

Еще в подъезде папа взял меня за руку, видно, по мне не было похоже, что я самостоятельно доберусь да машины, но я машинально вырвал ее. Еще не хватало, чтобы на глазах у пацанов меня вывели во двор, как малыша. Кажется, он понял. Открыл передо мной дверцу, и это было уже совсем другое дело, как будто это я хозяин роскошного автомобиля.

Раздался стон:

– Ма-акс! Это твоя?!

Я кивнул. Как мне представлялось, сделал это с достоинством, а как там вышло – черт его знает! Кто-то из моих друзей, теперь уже бывших, задулил снежком вслед нашему автомобилю, но не добросил. Почему-то это запомнилось...

– Мы едем к маме? – спросил я отца, когда он сел рядом со мной – за рулем был его личный водитель.

Он замялся, отведя глаза, такие же, как у меня, – серые с синевой, в узорчатых радужках все пытаются что-то прочесть... И пробормотал:

– Сынок, ты поедешь со мной. Ты же не против?

Помню, как я обрадовался, ведь обычно папа забирал меня по воскресеньям, а сегодня был только четверг. С тех пор я ненавижу четверги.

– В Сокольниках погуляем? Или на ВДНХ?

Он вздохнул:

– Конечно. Где-нибудь... Но сначала...

И только тогда я сообразил, точно открутив действие немного назад: отец вынес большую спортивную сумку, которую водитель поставил в багажник. До меня дошло, что мы забрали всю мою одежду. Зачем? И почему он велел упаковать в большой пакет мои любимые конструкторы? Похоже, я был туповат в семь лет.

Странно, я отлично помню этот невнятный момент моего переезда к отцу, но совершенно забыл, как именно он объяснил мне, что мамы больше нет. Какие слова подобрал? Представляю, как ему было тошно... Ведь он любил ее, я сам слышал, как мама со смехом говорила кому-то по телефону, что «бывший» до сих пор надеется нас вернуть. Нас обоих.

– Ну ты представляешь? Три года как развелись! Ведь женился уже, а все не может успокоиться, что я предпочла ему Коновалова.

Почему ей нравилось звать второго мужа по фамилии? Не так уж она благозвучна... А учитывая, что мама погибла в руках врача, хоть и совсем другого коновала, приобретает еще и зловещий оттенок. Наша с папой фамилия Оленин куда красивее, но его мама называла только безликим «бывшим».

С трудом укладывается в голове, что я уже ровесник его тогдашнего, ведь он стал отцом, едва окончив институт. А у меня семья и дети – только в перспективных планах, весьма смутных... Мне же удастся зачать ребенка лет в пятьдесят?

Мой батя, как я зову его за глаза, и его вторая жена Ольга – лучшие люди в моей жизни. Если б не они, я вырос бы еще большей скотиной... Впрочем, многие считают меня отличным парнем, перечисляя в уме банальный набор: красив, умен, богат... Последнее наверняка становится первым в сознании девушек, которых я время от времени привожу из клубов в новенькую квартиру, подаренную отцом на тридцатилетие.

Одна из них проснулась сейчас рядом со мной. Господи, помоги мне вспомнить ее имя! Впрочем, через час я снова забуду его, и уже навсегда, как и ее саму, неотличимую от десятков других длинноволосых блондинок.

Но сейчас ее голос тонкими иглами впился в мой страдающий от похмелья мозг:

– Котик, ты сварил кофе?

Почему они все так противно растягивают слова?! Это кажется им милым? «Котик» с удовольствием выел бы сейчас ее мозг, смачно почавкивая, только вряд ли он обнаружится в этой изящной черепной коробке...

Моя собственная готова взорваться от боли. Большие пальцы уже нащупали точки в основании черепа, которые нужно давить изо всех сил, чтобы заглушить болью еще большую. Этому научил меня врач, с которым мы пили в каком-то кабаке. За последние годы его совет стал самым полезным из всего бурного потока информации, который обрушивается на нас, как только мы спросонья берем в руки телефон.

Пока я со свирепым выражением давил на скрытые точки, безымянная блондинка сползла с постели и скрылась в ванной. Лучше бы в подъезде, но и это уже неплохо. Своего кофе она так и не дождалась, но я не обижу ее, останется довольна. Правда, хоть убей не помню: заслужила ли она свой гонорар? Но это, как говорится, мои проблемы... Пить надо меньше. Надо меньше пить! Все же смотрели тот легендарный фильм?

– Макс, ты отвезешь меня?

Кажется, я задремал, пока она смывала с кожи следы моего существования. И даже успел ухватить обрывок странного сна, будто уже виденного или... Не знаю. Может, мне просто знакома эта смешная девчонка, похожая на веселого слоника? Я толком и не помню тех, с кем учился в школе и в институте... Была она среди них? И с чего вдруг приснилась? Такая точно не из тех, о ком можно грезить ночами...

– Не могу, – простонал я, изображая еще большие страдания, чем испытывал на самом деле. – Вызови такси. Деньги в шкатулке на столе.

Я всегда готовил их заранее перед тем, как отправиться в клуб, уже зная, как будут развиваться события.

– Ты не дал мне номер телефона...

– Напиши свой, я перезвоню. Там есть листок.

Тоже заготовленный заранее. Все отработано.

Я не перезвонил еще ни одной.

Моя жизнь – чертов День сурка. Неделя за неделей все развивается по одной схеме и заканчивается одинаково. С понедельника по пятницу я изображаю успешного молодого менеджера в компании отца и, как ни странно, даже приношу пользу. По крайней мере, батя ценит мои советы и предложения. И мне греет душу, что я могу отблагодарить его хотя бы такой малостью за жизнь, которую Коновалов загубил бы в два счета.

Лучший день в моей жизни – воскресенье, когда я просто брожу по городу с фотоаппаратом и заново учусь любить этот мир после субботы, которую обычно провожу в обнимку с подушкой, глотая обезболивающее. Вечер пятницы, проведенный в клубе, бесследно не про-

ходит... Зачем я снова и снова бросаю себя в этот отстойный омут, выбираться из которого мука мученическая? Даже будь я евреем, не назвал бы субботу святым днем... Но сынов Израиля, насколько я знаю, в нашем роду нет.

А та толстуха с хоботом вместо носа, с чего-то приснившаяся мне, скорее всего, еврейка. Ее темные волосы выются, чуть отблескивая золотом, как у Суламифи на рисунке в старом издании Куприна, доставшемся мне от мамы. Почему я прихватил именно эту книгу, когда отец увозил меня? Она же совсем не детская... И я еще не догадывался, что больше не увижу маму, чтобы сохранить ее как память. В жизни иногда случаются такие вот необъяснимые вещи, которые не можешь разгадать даже через четверть века. И помнятся, продолжая терзать...

Жизнь, как загадка, темна,
Жизнь, как могила, безмолвна...

Почему я решил, что эта девушка читала Блока? С какой стати она вообще застряла в моей памяти?! Ничего особенного же не было в этом обрывке сна... В жизни их не запомнил, все проваливались в черную дыру. А тут было бы что помнить: толстуха открыла окно в своей убогой комнатухе и жрала ягоды черемухи прямо с дерева! Плевалась косточками через подоконник, точно собиралась вырастить целый сад.

Потом вдруг оскалилась в зеркало – зубы чернящие! И расхохоталась как ненормальная...

Полное безумие. Но выглядела она при этом такой довольной, что я, изнемогающий от похмелья, преуспевающий сукин сын, позавидовал ее простецкому счастью. Это ведь оно и есть, когда можешь со смехом плюнуть черемуховой косточкой в лицо судьбе, которой никак не удастся поставить на тебе крест?

Черт возьми, небо опять затянуло... Мне не выбраться из липкого уныния, тисками сжимающего голову. Пусть она уже треснет, что ли!

* * *

Операция «Бирюльки» началась! Мишке я не сообщаю ее название, опасаясь, что он не оценит иронию. Я вообще не говорю, куда мы идем, просто прошу его положить гитару и следовать за мной. И он, конечно, все выполняет – пленник своей послушности. Но когда мы поднимаемся на третий этаж, Мишка начинает волноваться, ведь ему известно, что там обитают фантастические... Чуть не сказала «твари»!¹

К художникам это не подходит. Хотя все они, мягко говоря, «с чудинкой», как прозвучало уже в другом фильме – название вылетело из головы. Похоже, я слишком много времени провожу в реальности кино...

– Мы сюда зачем?

Мишкин голос звучит требовательно, даже сурово, но в глазах мольба: «Скажи то, что я хочу услышать!»

– Попробуешь, – бросаю я небрежно. – Вдруг тебе еще и не понравится.

Я имею в виду «вдруг у тебя не получится», но такое запрещено говорить детям. Они должны верить, что способны творить чудеса, тогда смогут создать хоть нечто стоящее. Шедевр можно считать чудом? Он ведь творение рук человеческих, а истинное чудо не поддается пониманию людского разума.

¹ «Фантастические твари» (англ. Fantastic Beasts) – серия фильмов, основанных на одноименной книге Джоан Роулинг.

– Мне понравится, – силпо произносит Мишка, и я неожиданно для себя сжимаю его руку, холодную до того, что прикосновение заставляет меня вздрогнуть.

Он не отдергивает ее, и это подтверждает, до чего мальчишка напуган, ведь сейчас я тащу его против бурного потока – воли отца. И нас легко может сбить с ног, швырнуть на камни или вовсе лишит жизни. Но я уже знаю, что скажу Кравцову-старшему, и это, надеюсь, остудит его гнев еще в зачаточном состоянии.

– Вот и пришли, – произношу я бодро, и Мишка дергает головой. Должно быть, это кивок.

В большом кабинете, залитом солнцем, так же, как и мой, столы приставлены торцами друг другу, образуя большой прямоугольник, застеленный клеенками всех мастей. Мне нравится, что даже в такой малости Иван Петрович позволил ученикам проявить индивидуальность. Имя у него неправдоподобно простонародное (еще фамилия была бы Сидоров, а не Каширский!), но выглядит он, как Никас Сафронов в лучшие годы. Только наш художник вовсе не самовлюбленный зануда.

– Опаньки! – восклицает Иван Петрович, завидев меня. – Каким ветром занесло музыкантов на наш продуваемый всеми ветрами чердак?

– Ветром удачи, – провозглашаю я ему в тон. – Вам чертовски повезло, Иван Петрович! Я привела вам нового ученика, который станет вашей гордостью.

Кабинет пуст, нас слышит только пышная драцена с длинными глянцевыми листьями, лишь поэтому я позволяю себе такой пафос. Ранить самолюбие других ребят не входит в мои планы.

На слове «чертовски» Мишка бросает на меня удивленный взгляд, наверное, он уверен, что учителя не имеют права так говорить. Но Каширский цепляется к другому.

– Гений? – бормочет он. – Ну-ну.

Мне тоже не понравилось бы такое заявление авансом. Разбрасываться броскими ярлыками дело неблагодарное, но сейчас у меня просто нет времени объяснять ситуацию – скоро урок закончится, и Мишке придется вернуться домой, где ждут пятеро или шестеро братьев-сестер. Как ребенок из многодетной семьи, он учится у нас за символическую плату, и она не изменится от того, что его переведут на другое отделение.

Иван Петрович отодвигает ободранный маленький стульчик, указывает подбородком:

– Садись.

Мишка неловко заползает за стол, затравленно смотрит на учителя, который плюхает перед ним на клеенку шмат глины. Я замечаю, как дрожат тонкие мальчишеские пальцы с обкусанными ногтями.

– Давай.

– А что слепить?

Каширский пожимает плечами:

– Что хочешь...

Наклонившись к маленькому, пламенеющему от волнения уху, я шепчу:

– Дай волю фантазии!

И указываю глазами на волны света, в которых роятся пылинки. Не знаю, как другим, но в солнечные дни мне хочется свернуть горы: в приложении к моей жизни это значит сочинить новую мелодию или спеть под гитару фламенко. Да-да, ради этого я выучила испанский, два года занималась! Фламенко того стоит...

Мишкин взгляд устремляется вслед за танцующими искрами, и я надеюсь, что ему удастся разглядеть то, чего мне никогда не увидеть.

Хватаюсь за локоть Каширского, тяну его за собой:

– Иван Петрович, у меня есть вопросик...

Он не сопротивляется, хотя я не из тех женщин, за кем художник отправится на край света. Вытащив его в коридор, я прикрываю дверь и умоляюще заглядываю Каширскому в глаза:

– Не будем стоять над душой...

– Это ваш племянник? – пытается угадать он. – Сын подруги?

Ему все обо мне известно или даже мысли не рождается, что это может быть мой ребенок?

– Миша Кравцов – мой ученик. Он терпеть не может музыку и мечтает заниматься керамикой.

– Мечтать не вредно, – ворчит он, в этот момент напоминая Мишкиного отца.

Раз уж на то пошло, я отвечаю в тон:

– Вредно не мечтать.

Разговор двух идиотов, не поспоришь, но это неожиданно веселит его. Теперь уже Каширский оттаскивает меня подальше от двери и усаживает на кожаный диванчик между стеклянными стендами, в которых застыли глиняные барышни в кокошниках и пятнистые лошадки. Может, ему кажется, будто мне трудно стоять? А я, между прочим, обожаю ходить пешком и каждый день с удовольствием преодолеваю два с половиной километра от дома до школы. Потом обратно. Не знаю, почему это никак не сказывается на моем весе? Впрочем, я и не пытаюсь от него избавиться. Он такая же часть меня, как и все остальное...

– Посмотрим, что он исполнит. – Иван Петрович закидывает одну длинную ногу на другую.

Замечаю на нем кроссовки, и это меня озадачивает: разве художники не должны одеваться как-то иначе? Впрочем, к своим любимым старичкам я тоже позволяю себе приходить в бомбере, джинсах и кроссовках. Так удобнее... А они рады видеть меня в любом виде. В школу приходится надевать юбку – наш зануда-директор в этом смысле жуткий консерватор.

– С первого раза может не получиться даже у гения...

Он ухмыляется:

– Уже струхнули, Женечка? Надо вам пить таблетки для храбрости, как коту Леопольду...

– «Озверин»?!

Мы смеемся и просто болтаем о пустяках, как добрые друзья.

– Если б у вас было свободное время, я уговорила бы вас хоть раз в месяц проводить занятия в доме престарелых, – говорю я мечтательно, и Каширский смотрит на меня с удивлением.

– А вы там каким боком?

– Я играю им на гитаре. Просто для настроения... Но это чистое волонтерство, никто не заплатит.

– Хорошо, – неожиданно соглашается он, и я прямо подсказываю на диванчике. – Раз в месяц я могу себе позволить благотворительность. Не люблю слово «волонтерство»...

– Ой, да зовите, как вам угодно! – начинаю тарыхтеть я. – Неужели вы не против? Какое счастье! Я сама обо всем договорюсь, вы придете, как приглашенная звезда.

– Наконец-то...

– Нет, правда! Вы не пожалеете, они такие милые, эти старички.

– Так я и поверил! Вы просто не желаете замечать плохого... А у меня отцу под девяносто, он ненавидит весь мир лютой ненавистью.

Приходится согласиться:

– Конечно, ворчуны тоже встречаются... Но даже они любят слушать гитару.

– Они любят вас.

– Да бросьте!

– А вы не кокетничайте, – хмыкает он и добавляет уже серьезно: – Разве можно вас не любить, Женя?

В его голосе я различаю нотки, которые заставляют насторожиться, но в этот момент нас оглушает дребезжащий звонок, и мы разом вскакиваем. Как ни странно, у меня это выходит даже ловчее, чем у Каширского, хотя обычно я сношу стулья и дверные косяки.

– Ну посмотрим, что он там навалял, – ворчит Иван Петрович и распахивает передо мной дверь.

К такому я не привыкла, сама уже потянулась к ручке, и потому дверь впечаталась мне в плечо – хорошо, что не в лоб!

– Господи! – перепугался Каширский. – Я не убил вас?

Мои ногти впиваются в ладонь, чтобы перебить более сильную боль. Мне же не хочется поселить в его душе чувство вины! А то Иван Петрович станет меня сторониться – люди избегают тех, кого обидели слишком сильно.

Я широко улыбаюсь:

– Меня такой хлипкой дверью не убьешь!

Иногда уличаю себя в том, что улыбаюсь так часто потому, что зубы у меня отменные. Хоть чем-то природа меня не обидела... Даже мерещится, будто Каширский любит мою улыбку. Господи, какая несусветная глупость!

Я первой вхожу в кабинет, чтобы Миша не стухнул, увидев пока еще чужого ему человека. Но мой ученик (бывший?) даже не обращает на меня внимания.

И, взглянув на стол, я понимаю почему...

* * *

Чистое безумие...

Этот колобок опять приснился мне, стоило отключиться после душа, который ничуть меня не взбодрил. На этот раз Женя (ее имя расслышал позднее) увиделась мне в каком-то здании, похожем на Дом творчества или что-то вроде этого.

Возникло ощущение, будто я – призрак, витающий за окном кабинета и бесстыже подглядывающий за происходящим. А Женя смотрела на меня через стекло, повернувшись спиной к худенькому мальчишке, пытавшемуся играть на гитаре. Она его учительница? И это музыкальная школа? Типа того...

Даже во сне я был до того ошарашен происходящим, что прослушал, о чем она говорила с мальчиком, и не понял, куда Женя потащила его.

Но тут увидел кабинет, где бедолагу усадили за стол... Запах глины, ее пластичная податливость мгновенно ожили в памяти, я ведь занимался керамикой – лет в восемь? Десять? Точно не помню. Кажется, я был таким же, как этот шкет. Тогда я еще верил, что способен стать кем-то вроде Шемякина или Неизвестного.

Однажды нам дали задание слепить кувшинчик, а у меня получилась ракета... И я заявил педагогу, милой круглолицей тетушке, что хочу улететь с этой гадской планеты, ведь здесь живут одни уродские паразиты. Я имел в виду врачей, которые не смогли спасти мою маму. Но ребята, которые занимались вместе со мной, естественно, приняли все сказанное на свой счет.

После занятия они толпой подкараулили меня. Отлупили так, что отбили все желание и лепить, и болтать лишнее. Моя физиономия превратилась в кусок пиццы, с переизбытком приправленной кетчупом...

Батя требовал назвать имена обидчиков и рвался спустить с них шкуру, но я сказал, что никого из них не знаю. Для правдоподобности даже выбросил свои часы, чтобы отец принял версию об ограблении. Странно, что у меня хватило на это мозгов.

С того дня я вернулся к своим конструкторам. Их можно было собирать, не выходя из комнаты. Может, этому пацану, которого, кажется, зовут Мишей, повезет больше и он вылепит своего Давида?

Я уверился в том, что он способен на это, когда увидел, чем Мишка занимался четверть часа, пока Женя кокетничала со старым художником. Ну, может, не таким уж старым, но седины у него на башке полным-полно. С другой стороны, что ей остается? На такую только старичок и может клюнуть... Или слепой.

Но этот чувак забегал по кабинету, как полный энергии жеребец, увидев Мишкину работу. Разве что копытом не бил от восторга...

– Да вы посмотрите, Женечка! – выкрикивал он, гарцуя перед ней. – Это же черт знает как хорошо! Ай да Мишка!

Про сукиного сына он не добавил, не решившись обидеть Мишину мать, но мы с Женей мысленно продолжили. И у нее сделалось такое шkodливое выражение лица, я даже рассмеялся. Боже ты мой, я уже и сам забыл, как звучит мой смех...

Мишка слепил улитку, из панциря которой выбирался гепард. Самый быстрый из самой медленной. И это действительно потрясная аллегория! Кто бы подумал, что этот шкет обладает философским мышлением?

А пальцы у него просто волшебные: оба существа были узнаваемы с первого взгляда. Ну ладно улитка, ее ни с кем не спутаешь... А попробуйте в детской работе отличить гепарда от леопарда! Но смысл-то был именно в том, чтобы изобразить самого стремительного зверя. Как я понял...

А Женя все пыталась остановить коллегу на скаку:

– Значит, вы согласны его взять? Иван Петрович! Вы берете Мишу?

Наконец он замер, обуздав извергающийся вулкан восторгов, и с укоризной уставился на нее:

– А я похож на идиота?!

– Князь Мышкин, – внезапно подал голос Миша. – Он живет у Евгении Леонидовны в кабинете.

Мы с Иваном Петровичем уставились на него с недоумением. Было похоже, что пацан бредит...

Но тут Женя смущенно пробормотала:

– Так зовут мой цветок. А второй – Настасьей Филипповной. Я говорила Мише, что это герои романа «Идиот». Вот он и вспомнил.

– О господи, – вздохнул художник. – У нее еще и цветы с именами!

А я подумал: да у этой девчонки внутри настоящий огонь, раз она чувствует родство с этой героиней Достоевского! Только кто захочет к нему прикоснуться, когда он скрыт под такой уродливой оболочкой? Если, забывшись, и протянешь руку, так мигом отдернешь.

Внезапно я понял: Женя и сама думает так же. А ведь это, наверное, чертовски паршиво – сознaвать свое уродство. Особенно когда нет денег на пластику. А можно было бы и носик уменьшить, и жир отсосать! Копила бы, что ли... Ничего другого не остается.

Я догадался, что она сознает, как людям противно смотреть на нее, когда Женя поймала и подавила едва зародившееся желание обнять этого Ивана Петровича. Обычное проявление благодарности, не более того... Но и подобного она не смогла себе позволить, сообразив, что ее объятия не доставят художнику удовольствия. Скорее, наоборот... Ну реально! Попробовала бы эта биомасса прижаться ко мне, я тут же блеванул бы, честное слово.

Хотя наблюдать за ней любопытно – этаким подопытный хомячок! Радует жизнь, несмотря ни на что... Как у нее это получается? Меня мутит от всего окружающего: новости, запахи, лица, голоса... Все фальшивое, сплошной блеф. У хомячка не хватает мозгов понять это? Похоже на то...

И все же ей удастся меня удивить. Прибежала в кабинет к своей коллеге, которую зовут Нина (впервые вижу молодую красивую женщину с таким именем!), забросала ее восторгами: – Иван Петрович берет моего Мишку!

Та, выслушивая рождественскую сказочку, слегка отталкивалась длиннющей ногой, вращалась на стульчике возле фортепиано, на которое облокотилась виолончель. Вот эту ногу я погладил бы с бесконечным удовольствием. А есть же еще и вторая! Бездна наслаждения...

Но мозгов у Нины не больше, чем у хомячка Жени. Выслушав радостные причитания, она не нашла ничего лучшего, чем ляпнуть:

– А Каширский – красавчик, скажи? Даже сейчас. Представляешь, каким он лет двадцать назад был?

Женя замолчала, и я вдруг физически ощутил, как ей стало неловко за подругу. Точно очутился на миг в ее теле... Вот уж не дай бог!

А она неожиданно произнесла то, что поразило меня:

– Знаешь, мне иногда хочется вселиться в тело красивого мужчины. Нет! Не подумай чего... Не ради секса. Даже мысли нет... Я представляю, сколько радости такой человек может подарить миру.

Усмирив свои ноги, Нина уставилась на нее:

– Например? Какая вообще от мужчин радость миру?

Вот спасибо!

А Женя мечтательно улыбнулась, сделавшись похожей на ребенка, мечтающего о том, как он облетит на воздушном шаре всю планету. В такие минуты ее хочется погладить по голове... Даже брезгливость, которую она вызывает у меня, как-то съезжилась от ее улыбки.

– Например, я каждое утро говорила бы Клавдии Петровне, как она прекрасно выглядит. И у нее весь день пела бы душа...

Кто еще такая – эта Клавдия Петровна?! Судя по имени, уборщица или сторожика. И какого хрена делать ей комплименты?

– Рискованно, – отозвалась Нина с сомнением. – А если она влюбилась бы в тебя? Ну, не в тебя, понятно, а в этого красавца.

Вот же тупая стерва! «Не в тебя, понятно...» Даже я не сказал бы такого в глаза. Тем более подруге. Правду говорят про все эти женские дружбы...

– А что еще? Невозможно же внушить такое каждой вахтерше.

Вахтерша. Я оказался близок к истине!

А Женя задумалась, но коротко, видно, ответ был у нее наготове. Похоже, она и впрямь частенько представляла это:

– Я однажды смотрела передачу... Не помню с кем! Кажется, это была какая-то актриса, пожилая уже... Так вот, она вспоминала, какие у нее жуткие комплексы были в юности. Но однажды ей на улице встретился симпатичный парень, который окинул ее взглядом, улыбнулся и показал большой палец. И она запомнила это на десятки лет! Так ее подбодрил этот дурацкий жест, что ей удалось поверить, как она хороша, поступить в театральное, стать примой театра. И в кино она снималась в главных ролях... Ну как же ее?! Хотя неважно. Не в ней дело. Но чего стоит красивому мужчине, даже не останавливаясь, одним движением совершенно изменить жизнь женщины? Почему они не делают этого? – Смешное лицо ее обиженно дрогнуло: – Или делают? Только мне такой человек не встречался...

Черт! Мне тут же так захотелось показать ей большой палец, что я проснулся... И окунулся в унылое московское утро, которое давит на голову и расплющивает веки.

Да где живет эта Женя? Явно не Крым – ни кипариса, ни пальмы за окном... Почему же у них там столько солнца?!

* * *

В этом году у нас по-настоящему золотая осень! Прохладный воздух прозрачен настолько, что видно тонкие штрихи коршунов, частенько кружащих над нашим районом. Березы позванивают мелкими монетками, старые тополя из последних сил держат листья, впитавшие солнце, и только рябины, которых не так много в нашем дворе, добавляют красных мазков.

Милана любит рисовать осенние деревья, они живописны. В моей комнате из пяти подаренных ею пейзажей четыре вот такие, сентябрьские...

Нам было лет по десять, когда мы с Милкой впервые придумали этот праздник, и с тех пор каждую осень в нашем дворе проходит «Ранеточник». Где-нибудь в Подмоскovie это был бы «Яблочник», но у нас в Сибири вызревают только мелкие плоды, которые я люблю больше настоящих яблок. Особенно когда ранетки хрустящие, сочные, чуть с кислинкой...

В тот уже далекий год на даче Милкиных родителей уродился какой-то невиданный урожай, ее отец привез целые мешки ранеток и пару выставил прямо во дворе. Но мы быстро сообразили, что будет неинтересно, если соседки просто разберут их и наварят компотов, поэтому на ходу насочиняли каких-то конкурсов, чтобы дикие яблочки достались весело!

Помню, как я вытащила из дома таз с водой, в который мы пустили самые крупные ранетки. Их нужно было подцепить зубами – без рук. Решились на такое только дети, не боявшиеся окунуть носы, но хохот стоял на всю округу! Другие ранетки мы подвесили на нитках, привязанных к старому пояску, натянутому между деревьями, и тут уже даже бабульки-соседки с завязанными глазами защелкали ножницами. Моя любимая Валентина Ивановна включилась в состязание первой!

Все это были, конечно, всем известные конкурсы, ничего особенного мы не изобрели, но во дворе еще долго со смехом вспоминали наш «Ранеточник». А нас так нахваливали, что через год мы решили повторить, хотя урожай на Милкиной даче был уже не таким чемпионским. Но многие соседки притащили плоды из своих садов, а мы придумали уже другие конкурсы, и опять весь двор повеселился от души.

С тех пор так и повелось: в начале осени мы устраиваем праздник для всего двора, окруженного обычными пятиэтажками-хрущевками. В этом году Милане удалось где-то добыть картонные яблочные гирлянды, которые она развесила на березах. Я подобрала песни о яблоках (увы, о ранетках никто ничего не сочинил!), и мы гоняем их по кругу, пока идет праздник. Все они глуповаты, но кто вслушивается в слова, когда царит веселье? Пахнет сладкой свежестью, звучат безопасные взрывы смеха, звенят детские голоса... На лицах взрослых блаженное умиротворение: кто-то на несколько часов занимает их детей, да еще и бесплатно!

Ребята из года в год меняются, сегодня вот вместе со всеми по ранетке, установленной на голове чучела, запускает стрелы и тот рыженький мальчик, дома у которого поселился мой летающий кот.

– Как тебя зовут? – Я улыбаюсь ему, чтобы не спугнуть.

– Дима!

Он сообщает это так радостно, что мне становится приятно. Люблю, когда люди довольны всем, чем одарила их судьба.

– Прекрасное имя! – отзываюсь я и тут же вовлекаю ребят в новый конкурс. – Внимание: именной аукцион! Кто больше всех вспомнит и назовет знаменитых Дмитриев, получит самую большую ранетку.

И демонстрирую первую попавшуюся, выхваченную из мешка. Мила оглядывается и приподнимает брови – это не было запланировано. Но мы обе не против импровизации, она тоже часто придумывает что-то на ходу, а я подхватываю.

Со всех сторон уже несется:

– Дмитрий Донской!

Не сомневалась, что его имя прозвучит первым.

– Дмитрий Иванович Менделеев...

– Дмитрий Харатьян, – это уже не дети вспомнили, а чья-то бабушка. Быстро время бежит...

Другой старушке удастся меня удивить:

– Святой великомученик Димитрий Солунский.

– Ого! Надо запомнить, – встревает Милка, чтобы поощрить старшеньких.

Чей-то дедушка стучит тростью по ограде, чтобы привлечь внимание, и, когда все обращаются к нему, дребезжащим голосом произносит:

– Поэт Дмитрий Веневитинов. А также литературный критик Дмитрий Иванович Писарев.

Я с уважением склоняю голову. Сама я Веневитинова не вспомнила бы... Писарева – возможно.

– Лжедмитрий!

– Дмитрий Пожарский...

Побеждает молодой мужчина с офицерской выправкой, назвавший имя Дмитрия Карбышева. Приняв крупную ранетку (все как обещали!), он на секунду задерживает взгляд на раскрасневшейся Милке, которая всегда чудо как хороша, но сейчас особенно, но справляется с собой и протягивает сладкий приз своей дочке.

«Вот и славно, – думаю я, улыбаясь ему. – Только дворовых разборок нам тут не хватало...»

И на миг обхватываю Милкины плечи, чтоб ей не было одиноко. Хотя моей подруге это, кажется, не особо нужно, глаза у нее блестят отраженным светом иллюзии возвращения в детство. Сейчас Милана выглядит настоящей феечкой, хотя ничуть не похожа на тех, что рисуют в сказках: она высокая, тоненькая, а темные волосы пострижены очень коротко и не закрывают высокого лба.

Глаза у Милы как у газели, но во взгляде нет кротости, как и в характере. Я знаю, меня никогда не обзывали «жирюгой» или «бомбой» только потому, что никто не рисковал связываться с Милкой. Сама несколько раз видела, как она дралась в детстве – не позавидуешь тому, кто попал ей под руку!

– Гениально, – выдыхает Мила, имея в виду мою идею обыграть Димкино имя. – Пацан чуть не лопнул от счастья!

А рыженький Дима, зардевшийся от избыточного внимания, уже несется с ордой пацанов и девчонок к горке, с которой надо скатить ранетку дальше других. Теперь я спокойна: ему и без моей заводной игрушки не одиноко. Но пусть кот остается у него – не отбирать же!

Правда, уже через минуту я понимаю, что идиллии не получается... Его ровесник Родион, мальчишка из первого подъезда (я живу в последнем), внезапно выходит из себя от того, что ему никак не удастся запустить ранетку дальше других, и начинает подталкивать соперников. Понятно, что это никому не нравится, и с горки несутся возмущенные вопли. Причем больше всех протестует Витька, с которым Родион вроде как дружит, но и его не преминул толкнуть под руку.

– Ты чего творишь?! – вопит Витька, корча угрожающие гримасы. – Так нечестно!

Насупив золотистые брови, мой приятель Дима, как рефери, становится сбоку и выставляет руки, пытаясь удержать мальчишек. Что отвечает Родион, не слышно, он не повышает голоса, и это ложится на то, как он действует: исподтишка, втихую...

Все во дворе мгновенно затихает, обернувшись к горке, но это внезапное беззвучие пререзает резкий крик Раисы Григорьевны – его еще довольно молодой бабушки:

– Родя, бей его! Бей первым!

Родион дергает головой и, хотя не оборачивается к бабушке, ясно, что он слышит ее. Только не может решиться ударить друга...

Тот самый офицер, выигравший ранетку, выкрикивает приказным тоном:

– Не стравливайте пацанов!

Но Раиса Григорьевна не унимается, ее истошные вопли заглушают нарастающий ропот:

– Зря ты, что ли, три года боксом занимался?! Бей, Родя!

– Держите их! – вскрикивает за моим плечом Милка – я узнаю ее голос, не оборачиваясь.

Но Родион уже бросается в бой как послушный, притравленный щенок и с силой бьет Витьку в солнечное сплетение. Того отбрасывает, и он сгибается пополам, но с горки не слетает, уткнувшись в ребят, топтавшихся позади. Зато теряет равновесие Кристина – самая маленькая девочка. Опрокинувшись на бок, она катится вниз под вопль ужаса, возникший сразу во всех концах двора.

Я бросаюсь к ней, но Кристинина мама оказывается быстрее, что неудивительно. Подхватив малышку, она бессвязно выкрикивает:

– Где больно? Что? Ты цела?

Девочка хнычет, показывая расцарапанное плечо, и мы все с облегчением переводим дух – это ерунда по сравнению с тем, что могло случиться...

Но мальчишки даже не заметили, как Кристина слетела с горки, у них вовсю идет бой. Причем Витька уже повалил Родиона и мутузит кулаками, сидя на нем. А бабушка последнего лезет по лестнице, выкрикивая угрозы... Я бегу туда, чтобы попытаться удержать ее:

– Раиса Григорьевна, не вмешивайтесь! Мы сами!

Но, конечно, она не слышит меня. В свои пятьдесят она куда шустрее меня и легко взбирается наверх, откуда доносится Витькин вопль. За ухо она его схватила, что ли?

Кто-то наконец выключает песню, которая кажется еще более примитивной, чем обычно. На секунду все замолкает от неожиданности, но тут побелевшая от ужаса Витькина мама, имени которой я не помню, пронзительно кричит:

– Да вы что творите?!

Чей-то оклик приводит меня в ужас:

– Ира, вызывай полицию!

– Не надо полицию, – шепчу я и понимаю, что «Ранеточников» в нашем дворе больше не будет...

А Милка рывкает:

– Отставить! Вы что, пацанских драк не видели? Какого черта лезете в их дела?

Маленькая девочка с милыми светлыми кудряшками испуганно округляет глаза и дергает за платье свою маму:

– Тетя сказала нехорошее слово!

Побоище на горке напугало ее меньше...

– Я еще не такое скажу, если все сейчас не успокоится, – зловеще сулит Милана. – Какая еще полиция? Вы сдурели? Быстро все по домам!

Осуждающе перешептываясь, соседки растаскивают своих ребяташек по домам, и двор быстро пустеет. Спорить с Миланой не решается даже Раиса Григорьевна, а Ира уводит своего победителя, буркнув на ходу:

– Да я и не собиралась стучать.

Мы переглядываемся. В другой ситуации нас, наверное, начал бы душить смех, но сейчас настроение испорчено до основания. Милка подходит к березе и резко срывает яблочную гирлянду – больше она нам не понадобится...

Вечером мы сидим у меня дома и уныло жуем шарлотку из ранеток, которую я испекла к ужину. Папа еще не вернулся с работы, и его половина пирога теплится в духовке, источая теплый аромат. Такой вкусный...

– Не хотят люди жить в мире, – цедит Мила, уткнувшись в тарелку. – И в глобальном смысле, и даже по-соседски...

– В глобальном согласна. Было ли на Земле хоть одно десятилетие без войны? Может быть, но впечатление такое, будто каждую минуту жизни человечества хоть в какой-то точке планеты, но шли сражения.

– Так глупо. – Она безутешно качает головой. – Господь подарил нам прекрасный мир! Когда рисую, у меня иногда дыхание от восторга перехватывает.

– Потому что ты – настоящий художник. Но не всем дано видеть красоту.

Перестав жевать, Милана смотрит на меня испытующе:

– Думаешь? Пожалуй, соглашусь. Люди не желают ни посмотреть повнимательнее, ни вслушаться... Сегодня эти брошенные в траве красные ранетки показались мне каплями крови Христовой. Не подумай, что я ударилась в религию! Но тот сюр, что сегодня творился, все эти вопли: «Бей первым!», невольно заставили задуматься о природе человеческой. И знаешь, Женька, мы с тобой не в силах их примирить...

Она права, и я прекрасно понимаю это, но сдаваться не хочется:

– Не обобщай. Раиса всегда сеяла раздор... Вспомни, как она повыдергивала цветы, которые бабушка из соседнего подъезда посадила!

– О да! Они ей показались слишком деревенскими. Безумная тетка... И внук, похоже, в нее.

– Родьку можно только пожалеть, – опять возражаю я. – Мать умерла...

– Заметь, от передоза! С такой мамашей подсядешь, пожалуй.

– Где его отец, вообще неизвестно... У него же никого нет, кроме бабушки. Хоть и сумасшедшей. Что ему остается? Слушаться ее. Или в детдом отправляться. Ты что выбрала бы?

Милка тяжело вздыхает:

– Ну да... Невезучий пацан.

Не спеша выбираясь из-за стола, она бормочет:

– Пойду-ка я своих родителей обниму... Вот так сравнишь судьбы и понимаешь, как тебе повезло!

– Они у тебя классные...

– Как и твой папа. – Я знаю, Милана говорит так не из вежливости. – Вдобавок ко всему они терпят, что мы до сих пор живем с ними и замуж не собираемся... В Америке родители быстро своим деткам под зад дают и выпихивают из дома.

– Не откроем мы с тобой Америку.

– Да и фиг с ней! На черта она тебе сдалась?

– Интересно же увидеть все своими глазами... Только у нас денег не хватит.

Милка обдаёт меня смехом:

– Ты что?! Я же скоро стану богатой, как Абрамович.

– На своих пейзажах? Ой, я буду только рада!

– И мы с тобой рванем в турне по миру. Будешь моим агентом?

Я качаю головой:

– Твой агент должен быть обворожительным молодым мужчиной, а не толстой старой девой...

– Я лучше знаю, кто мне нужен! Обворожительного молодого мужчину я с удовольствием взяла бы в любовники. С большим удовольствием!

Изящные Милкины руки изображают то, чего мне видеть не хочется, и я шлепаю ее:

– Фу!

Внезапно она становится серьезной:

– А моим агентом должен стать человек, с которым я на одной волне. Тот, кто чувствует меня так же, как себя самого. И поддерживает самые мои безумные идеи... А это ты.

– Я?

Мое удивление притворно, Мила понимает это и звонко чмокает меня в лоб.

– Пока, радость моя! Увидимся...

Когда она уходит, наша маленькая квартирka еще больше сжимается от тишины и будто темнеет. Моя подруга всегда приносит с собой солнце... А потом забирает его.

* * *

Осень в Москве словно умоляет, чтобы я фотографировал ее. Багровые прожилки кленовых листьев, похожих на ладошки с перепонками. Береза, золотые листья, усеянные солнечными зайчиками на черенках. Румяные узоры дубовой листвы с темными родниками. Каждый год я зачем-то снимаю их снова и снова, и мне не надоедает...

Сегодня я с какого-то перепугу вскочил так рано, что успел пробежаться по округе до работы. Не спортом, конечно, занимался, это вообще не мое! Фотографировал то, что цепляло взгляд, не задумываясь – пригодится ли?

Какого хрена я вообще занимаюсь этим, раз даже не предлагаю свои снимки журналам, сайтам, не устраиваю выставки? Батя называет это моим хобби, подчеркивая, что каждому человеку нужно иметь отдушину, не позволяющую сойти с ума. В самом слове «отдушина» мерещится отвратный душок, хотя наверняка отец, как всегда, пытается меня поддержать. Он ведь даже не подозревает, что я до сих пор, как прыщавый подросток, мечтаю заниматься только этим: скитаться с фотоаппаратом по миру, наблюдать за людьми, ловить выкрутасы животных, вскрывать тайную жизнь зданий и деревьев...

Только на это нет времени. Пора тащиться на службу.

Самое интересное за последние дни происходило со мной во сне, хотя эта забавная дамочка с именем-унисекс вроде бы и не совершает ничего выдающегося. Или мне дано видеть не всю ее жизнь, а лишь часть? Скорее всего, я же сплю не целыми сутками!

Этой ночью я стал свидетелем, как Женя за кем-то закрыла дверь и тяжело так, печально вздохнула. Но кто был у нее в гостях? И чем они там занимались, я так и не узнал. Неужто у нее имеется любовник?! Вот уж во что невозможно поверить! Хотя, как говорится, на вкус и цвет...

Сам не понимаю, что так завораживает меня в заурядной жизни этой некрасивой, несчастной девушки? А, вот сейчас понял! Стоило произнести... Она действительно некрасива, но – несчастна? Да нет, она не чувствует себя такой. Хоть я и уловил ее тяжелый вздох, только он больше удивил меня («Она грустит?!»), чем заставил посочувствовать.

В принципе, эмпатия – это вообще не мое. Может, я до сих пор не перерос подростковую «эмоциональную тупость»? Да плевать! Я же не о себе хотел... О необъяснимой магии простой жизни. И ладно бы речь шла о рыбаке, который живет на берегу океана, каждый день чинит свои сети, ловит рыбу, кормит семью. Та еще тоска, если разобраться, но и своя романтика в этом есть. А что особенного в обыденной жизни учительницы музыкальной школы? Или как там у них? Школы искусств! Пафоса нагнали...

И все же каждое утро, проснувшись, я цепляюсь за ускользающие обрывки снов. Сегодня мне приснилось, как, проводив кого-то неведомого, Женя уселась в кресло с книгой. Вот уж тоска любоваться на это! Но, к счастью, она сама долго не выдержала, вскочила и вышла из дома, прихватив дешевую сумку – с такой девицы, что бывают у меня, до помойки постеснялись бы пойти.

Но мне нет дела до ее вещей. Гораздо интересней было проследить, куда она направится, и Женя меня не разочаровала. Устроила комедию положений – начала собирать по двору красные ранетки, валяющиеся в траве. А девчонки самого противного подросткового возраста уголяли над ней, делая вид, будто не замечают, как Женя кидает их (грязные!) прямо в сумку. Ну просто свинья какая-то...

Зачем эти паршивые ранетки ей понадобились? Они ведь с отцом не голодают, чтобы с земли подбирать всякий мусор. Но эта балда упорно пыхтела и собирала подгнившую дрянь, которая, кстати, непонятно откуда нападала – во дворе у них яблони не растут. Уж в растениях я малость разбираюсь: изучил, пока фотографировал... Видно, я действительно пропустил какой-то кусок ее жизни? И эти маленькие яблочки что-то значат для Жени? Кто ими кидался? День рождения праздновали прямо под открытым небом? К детским лесенкам привязаны воздушные шарiki...

– Не могла же ты свои именины отмечать прямо во дворе? Большая девочка. Даже очень большая!

Я бормотал это, заваривая кофе. А мое непроснувшееся сознание все еще балансировало на грани реальности и сновидения... И я то выбирал себе конфету к кофе (ну есть у меня такая слабость!), то следом за Женей шел куда-то на окраину, приближался к высокому деревянному забору, проломленному в двух местах, и протягивал руку в дыру. А на ладони – ранетки.

Чьи-то крупные мягкие губы собрали их, и я понял, что за этим забором прячется лошадь. Я так и не увидел ее, но Женя точно знала, какая она – гнедая или белая... Наверняка она подкармливает плененное животное уже не в первый раз, лошадь знает эту руку и доверяет ей.

Вместе с Женей я скормил все ранетки, и кажется, так же счастливо и глуповато улыбался при этом. Простая, банальная жизнь? Ну да. Только, черт возьми, сколько же в ней смысла!

От этой мысли и от кофеина я наконец проснулся окончательно. Вовремя! Через минуту позвонила Ольга – вторая жена моего отца и напомнила извиняющимся тоном, что в январе у него юбилей. Он был совсем пацаном, когда я родился, и теперь бате исполняется всего пятьдесят.

Это радует, потому что мне абсолютно не хочется наследовать его бизнес и становиться у руля компании. Мне и на своем достаточно скромном месте едва удастся изо дня в день удерживаться, чтобы не блевануть от отвращения ко всему, что связано с этой работой.

– Придумать бы что-нибудь необычное. – Ольга мечтательно вздохнула, рассмешив меня.

Я живо откликнулся:

– Подарить папе гильотину для сотрудников?

– Да ну тебя! – Она рассмеялась беззлобно.

– А что еще может его удивить?

– Вот и я думаю... Ты подумаешь тоже?

– Ладно. – Не мог же я отказаться. – Может, придет гениальная идея.

Кажется, она искренне обрадовалась:

– Спасибо, Максимушка! Тебе точно придет.

– Помнишь, что он боится высоты? Не дари ему ни самолет, ни парашют.

– Я и не думала!

Но голос ее звучит не очень уверенно, будто она уже заказала планер, а теперь на ходу попыталась сообразить, каким образом от него избавиться.

– Яхта у вас есть. Загородный дом тоже. Сложная задача!

С Олей я не допускаю пошлостей, поэтому не предлагаю ей подарить бате новую жену или резиновую куклу. Да меня и самого от таких шуточек корежит, хотя у моих приятелей они в порядке вещей.

Приятелей? У меня есть приятели? Это ведь те люди, которых приятно видеть...
Мой приятель – Женя?

* * *

В полутьме кабинета его голос звучит «замогильно», как говорили мы в детстве:

– Евгения Леонидовна, вы уже закончили занятия?

Директор нашей школы сердито сопит, глядя на меня, посмевающую вторгнуться в святая святых. Понимаю его: каждое мое появление влечет за собой дополнительные усилия, ведь приходится решать чьи-то проблемы, которые я притаскиваю кипами и умоляю его решить. Просто поболтать я к нему не заглядываю, на это у меня есть коллеги, дежурные, уборщицы... Я не из тех, кто стремится завоевать расположение сильных мира сего, мне не хочется чувствовать себя обязанной кому-то, а дружба с людьми, занимающими разного уровня кресла, неизбежно оборачивается именно этим. Или я наговариваю? Что мне о них известно, в конце концов? Так же, как о красивых мужчинах, на которых я смотрю с расстояния ста метров...

Наверное, втайне директор мечтает уволить меня, мешающую ему пребывать в состоянии сладкой неспешности, но с учителями по классу гитары в нашем городке не густо, ему просто нечем меня заменить. Так что он сжимает покрепче свои выступающие, как у крысы, зубы, и стоически терпит мое существование.

Нет, я вовсе не насмехаюсь над Анатолием Палычем, – мне ли! Я даже сочувствую ему, такому маленькому и хиленькому, что мне не составило бы труда раздавить его, просто упав сверху... Ох нет! Фу, какая гадость... Чтобы моя физиономия не выдала отвращения, вскипевшего внутри, перевожу взгляд на один из блестящих дипломов, которыми просто облицована стена. Среди них есть и заработанные моими учениками, но директор скорее сожжет их, чем позволит учителям повесить их в своих кабинетах.

– Закончила, Анатолий Павлович, – я выбираю сдержанный тон, чтобы это не прозвучало бы слишком радостно, а то он обязательно придерется к тому, что я не одержима своей работой, хотя и знает: это не так...

Директор начинает нервничать, не может дождаться, когда я заговорю о главном. Мне мерещится, будто из его кожи пробиваются короткие иглы, как у тех кактусов, которыми заставлен маленький столик у окна. Нет, мне тоже нравятся эти строптивые колючки, это еще ни о чем не говорит. Напротив, мне жаль кактусы, которым приходится терпеть общество этого неприятного человека.

– Ну, в чем дело? – не выдерживает он.

Мой голос звучит умоляюще:

– Мы сможем перевести ученика из одного отделения в другое?

Его пальцы скручивают листок бумаги, стремятся порвать его на клочки. Чтобы директор не сотворил того же со мной, я смотрю на него с глуповатой доверчивостью котенка. Кто в состоянии обидеть котенка? Или слоника...

– С какого на какое? И о ком речь?

– У меня есть ученик Миша Кравцов, – поясняю я терпеливо. – Ему очень хочется перевестись на художественное отделение. Он прирожденный скульптор, а с гитарой, похоже, никогда не станет одним целым.

– Его родители не подавали заявления.

– Сначала я хотела уточнить у вас...

«Хозяин» – так и вертится на языке.

– Учебный год уже начался, – напоминает Анатолий Палыч, глядя мимо меня, и его можно понять. – Чем ты раньше думала?

Мой голос истончается до шелеста:

– Простите. Конечно, надо было раньше. Вы правы.

Такой я нравлюсь ему больше, он даже переходит на «ты», хотя это вовсе не значит, будто наш разговор переместился в некую доверительно-дружескую плоскость и вот-вот мы начнем понимать друг друга с полуслова. Я-то не имею права ответить ему тем же, и мы оба это знаем.

– Вечно ты носишься с чужими проблемами, Ширина. Своих нет?

Я только качаю головой: какие у меня проблемы? Он с видимой мукой выдавливает:

– Будет заявление от родителей учащегося, тогда продолжим разговор.

Только наш директор способен назвать Мишку «учащимся»... Чтобы снова не рассмеяться, я перевожу взгляд на кактусы и неожиданно для себя спрашиваю:

– А как их зовут?

– Кого? – Директор смотрит на меня с подозрением.

– Ваши кактусы. Вы их как-то назвали?

– Зачем? Они же кактусы.

– Но не стулья же! Они живые. Им приятно, когда с ними разговаривают... Тем более, если называют по имени.

– Жень, уйди! – стонет он, почти упав на стол. – Просто уйди с глаз моих...

Покорно склоняю голову, я же не боец:

– Как скажете, Анатолий Павлович. Значит, заявление?

Прямо из школы я отправляюсь домой к Кравцовым, надеясь застать кого-то из Мишкиных родителей. Можно было, конечно, позвонить, но такие судьбоносные вопросы лучше решать с глаза на глаз. Труднее ведь будет сказать мне в лицо, что ты не желаешь счастья своему сыну, чем бросить это в трубку?

По крайней мере, я надеюсь на это, шагая по усеянному трещинами асфальту, уложенному еще в годы моего детства. До сих пор мне помнятся прежние названия магазинов, державшихся десятилетиями: «Огонек», «Тысяча мелочей», «Ромашка»... Центрами притяжения местных ребят были отделы игрушек, где я проводила часы, просто любуясь куклами и наборами посуды, а если и касалась, так самыми кончиками пальцев, затаив дыхание. Почему-то мне было неловко просить папу купить что-нибудь новенькое, хотя он всегда зарабатывал прилично. Мама бросила нас не из корыстных соображений, это точно...

Теперь магазины меняются каждые полгода, не успеваешь запоминать. Недавно появилась уютная кофейня, где все настолько вкусное – не выходила бы оттуда! Но огорчает, что через большие окна видно каждого, кто находится внутри, и если я даже буду сидеть там с одной чашечкой капучино, все равно знакомые будут ворчать:

– Еще бы она не толстела – жрет как не в себя!

Поэтому я поспешно пробегаю мимо, стараясь даже не дышать, чтобы дразнящий запах не вскружил голову. Потом вспоминаю, что иду в многодетную семью, и надо бы захватить вкусняшки... Но уже в магазине, окинув взглядом кондитерский прилавок, соображаю, что понятия не имею о том, чем их можно угостить. У каждого второго аллергия, и не дай бог ошибиться с лакомством... Тогда не только мне достанется, но и Мишке, а уж этого я хочу меньше всего.

Поэтому я покупаю надутые гелием воздушные шары, с запасом – семь штук, счастливое число, ведь не помню, сколько точно у Кравцовых детей. Но явно же не больше? Кто столько рождает в наше время? С этими шарами я вваливаюсь в двухкомнатную «хрущевку», где и без того не повернуться и душно так, будто окно не открывали никогда... А может, и не открывали – попробуй уследи, чтобы никто не вывалился с пятого этажа!

После подъема по лестнице мне нужно время, чтобы отдышаться, и пока я пытаюсь сосчитать количество малышей, но их броуновское движение не позволяет довести дело до конца. Только мать семейства, Маргарита Николаевна, незыблема среди этого живого хаоса. Она смотрит на меня с немим укором: «Жаловаться на сыночку явилась?!»

Сам Мишка от ужаса пытается слиться со столом, за которым делает уроки, только что учебник на голову не нахлобучивает. А носом в тетрадку уже уткнулся...

– Ваш Миша – такой талантливый мальчик! – выдыхаю я, чтобы задобрить ее.

И Маргарита Николаевна заметно обмякает, даже подобие улыбки скользит по бледным губам с размытыми контурами. Ей ведь еще не известно, зачем я явилась...

– Хорошо, – одобрительно кивает она, явно призывая меня продолжать в том же духе.

Я активно подстилаю соломку:

– Он прекрасно воспитан, умен, начитан, с ним приятно беседовать. У него отличный художественный вкус и явный талант... скульптора.

Делаю паузу, позволяя последнему слову просочиться в ее сознание, но это происходит с мучительной неспешностью. В ее темных глазах не отражается ни радости, ни ярости, но я склоняюсь к тому, что полыхнет, скорее, последняя.

Пауза затягивается, вынуждая меня добавить:

– К сожалению, Миша начисто лишен музыкального слуха, и с этим ничего не поделаешь.

Природа.

Я кривлю душой: музыкальный слух можно развить, существуют педагогические методики. Но это при желании. А у Мишки оно отсутствует, поэтому его матери не обязательно знать, что я пытаюсь увильнуть от своих обязанностей.

– Зато у него отлично получается лепить из глины! Миша может создать уникальные вещи, которые будут хорошо продаваться. Это реальный кусок хлеба в руках!

Мишка заинтересованно поднимает голову и смотрит на меня испытующе, пытаюсь понять: морочу я голову его матери или говорю истинную правду? Похоже, ему самому мысль о том, что на изделия из глины есть спрос, даже не приходила в голову. Я подбросила ему желанный козырь, и теперь его юный мозг активно просчитывает варианты использования этой карты.

Очнувшись, Маргарита Николаевна спрашивает с недоумением:

– А как же ваша гитара?

– Вот именно – «ваша»! – хватаюсь я за соломинку. – Это вы очень точно подметили. Для Миши гитара так и не стала своей, он не любит этот инструмент. И никогда не научится на нем играть. Мы промучились с ним целый год, а результат – ноль. Стоит ли дальше тратить время и деньги? Если за ту же плату можно учиться в студии керамики, где Миша разовьет свой талант и станет кормильцем семьи?

От меня не ускользает то, как он злорадно ухмыляется, точно уже победил дракона. Хотя отца семейства сейчас нет дома, а, как мне известно, именно ему не терпелось отправить сына с гитарой по мифическим электричкам. Но мы оба понимаем, что переубедить Маргариту Николаевну – дорогого стоит. И если она станет нашим союзником, то можно сказать, дело сделано.

– Ну я не знаю, – тянет она со вздохом.

И оборачивается к старшему сыну:

– Тебе охота лепить из глины?

Вытянувшись в струнку, Мишка светлеет лицом и произносит с вдохновением юного пионера:

– Да, мама!

Машинально дав шлепка дерущимся близнецам, Маргарита Николаевна смотрит на меня задумчиво:

– Ну я не знаю...

– Конечно, я понимаю. Вы не можете принимать такие решения самостоятельно, вам нужно посоветоваться с мужем.

И тут звучит: «Бинго!»

Я попала прямо в цель: глаза Мишкиной матери вспыхивают, она выпрямляется с достоинством Дианы, отправляющейся на охоту. Доносится отдаленный звук рожка, сердце подрагивает в такт топоту конских копыт, пар из ноздрей...

– Чего это я не могу?! Я – мать. И квартира на мне записана, между прочим.

При чем тут последнее, я не задумываюсь, главное, она оседлала конька строптивости, который может вынести нас с Мишкой к заветной цели. Движением фокусника я выхватываю из сумки слегка смявшийся лист бумаги и ручку:

– Тогда напишем заявление? На имя директора школы искусств, пожалуйста...

Мишка смотрит на меня с таким обожанием, какого я никогда не видела в глазах ни одного представителя противоположного пола. Кажется, этот день я не забуду!

* * *

Я почти дотянул очередной День сурка до конца. Телефонные переговоры ни о чем, поиски выходов из тупиковых ситуаций, документы, документы... А сегодня еще только понедельник!

Живу точно в ожидании чего-то и сам не могу даже сформулировать, что именно должно принести мне время. Мутный поток неспешно течет сквозь меня, оставляя лишь осадок. Дождусь ли очищения?

Через полчаса можно будет свалить из этого унылого офиса, стылого, как небо за окном. Оно обретает глубину только на моих фотографиях, отражая тени несбывшегося. Или это мне лишь мерещится? Разве я хоть когда-то мечтал о чем-то грандиозном, способном поднять к облакам? Мне не хотелось быть ни космонавтом, ни хотя бы летчиком, ни моряком... Я не рвался на сцену и не пробовал писать стихи. Даже рисовать не любил, хотя лепить из глины мне нравилось. Или не особо?

Похоже, я был до тошноты заурядным ребенком... Интересно, мой брат рос таким же? И что из него вышло? Я ни разу не видел его. Тот самый брат, убивший нашу мать самым своим рождением... Как Коновалов назвал его? Я только и знаю, что родился мальчик. Кстати, откуда мне это известно?

Всю субботу я традиционно провалялся в постели, проклиная похмелье и свою жизнь. Никто не звонил мне и не присылал сообщений, потому что я редко отвечаю в выходной. Друга, с которым я был бы рад поболтать в любое время суток, у меня сейчас нет. Да и был ли когда-то?

Даже в школе я ни с кем не совпал настолько, чтобы скучать по этому человеку... Зато беспечно тусовался с популярными ребятами и знал, что для многих мы были вроде олимпийских богов. Некоторые даже считали меня лидером среди них, таким Зевсом, сеющим свое божественное семя направо и налево, но мне самому всегда было плевать на иерархию. И сейчас я без особого пиетета отношусь к начальству... Хотя, положив руку на сердце, не уверен, что был бы столь же дерзким, если б компания не принадлежала моему отцу.

Воспоминания о вузе колышутся душным маревом, в котором невозможно разглядеть детали. С кем я курил и шлялся по кабакам? В чьих постелях просыпался? Да я отчетливее помню дурацкие сны про училку Женю, ставшие для меня навязчивым наваждением. Она продолжает приходить ко мне ночами... Может, стоит замахнуть рюмашку перед сном, чтобы избавиться от нее?

В воскресенье я все же выбрался из дома и бродил с фотоаппаратом по улочкам. Люблю нашу женственную Москву, ее плавность, округлость. Порой даже удивляюсь, почему при этой тяге к мягкости линий я вечно выбираю девушек модельного сложения, у которых ребра торчат, как у несчастных узников концлагерей? Только те худели не по своей воле...

Неужели я настолько нахожусь во власти стереотипов? И мой крутой Canon нацеливает свой объектив и следует за фигурами легкими, воздушными, облаченными в летящие платица или нечто, почти не похожее на одежду. По крайней мере, не скрывающее тело.

Такой фотоаппарат, как у меня, обычно используют профессионалы, а я всего лишь любитель, не решившийся шагнуть за мечтой. Плевать. ПозднЯк метаться.

Как и отец с Ольгой, я живу в Хамовниках на Остоженке, потому, выйдя из дома, я сперва побродил по старым переулкам, снимая все, за что цеплялся взгляд. У людей я разрешения не спрашивал: стоит мне улыбнуться, и смягчаются даже brutальные мужики.

Вскоре я добрался до Сивцева Вражка, о котором сначала прочитал у Каверина в «Двух капитанах», потом уж побывал... Детство я провел с мамой (и ублюдком Коноваловым) в Библирево. До сих пор помню наш двор среди «панелек», хотя пора забыть его, как страшный сон. Но память зачем-то хранит слепки облупившейся краски на трубах-поручнях качелей; продольные царапины, которыми были испещрены бортики песочниц; пыльные подорожники... Мы плевали на них, очищая, и прилепляли к ссадинам на коленях. Знала ли мама, что я каждый день рисковал подхватить столбняк или еще какую-нибудь хрень?

Арбат я стараюсь проскакать не останавливаясь, там слишком много туристов. Запах денег вытеснил свежий воздух, хотя улица пешеходная. К коже липнут взгляды провинциалок, устремленные ко мне, будто на моем лбу прописка проступает... Алчные ухмылки, искаженные завистью морды. Озвереть можно! А это со мной на раз происходит, так что лучше держаться подальше.

А вот многолюдье Поварской меня не отвратило, народ там забавный, богемный – гнесинцы. За ними любопытно наблюдать через объектив, ловить выражения, не предназначенные камере. Паясничали дурачки, цепляли маски, им вовсе не предназначенные, но, кажется, не понимали, как смешны в чужих личинах.

И в то же время в их кривляньях мне всегда видится некая трогательность. Будто за детсадовцами подглядываешь... Опять мне подумалось о брате. С чего вдруг я стал вспоминать его? Из-за Мишки, с которым так возится Женя? Реально пытается спасти его будущее. Пожалуй, никто из моих знакомых не делал подобного для чужого ребенка... Для своих-то не делают!

Поймал себя на том, что всерьез забеспокоился: перевели пацана на художественное отделение или нет? Вот же бред! Сроду не путал реальности, в каком состоянии ни оказывался бы. А тут обычные сны...

Откуда, черт, взялось ощущение, точно эти призрачные люди существуют на самом деле?! Дергают гитарные струны, месят глину, обсуждают что-то... Да не «что-то»! Я запомнил каждое слово, и это уже дико, ведь обычно к обеду из моей головы вылетает то, о чем еще утром говорили на планерке.

А ведь это имеет значение для моей работы, надо слушать, запоминать. Или, на худой конец, включать диктофон, чтобы не пропустить то, что может меня закопать заживо.

С другой стороны, все, что я слышу во сне, неважно. Абсолютно неважно.

* * *

Я просыпаюсь, но лежу, не открывая глаз, боясь спугнуть невероятный сон о Москве, в которой была-то всего раз вместе с одноклассниками – мы провели в столице зимние каникулы. Столько лет прошло, а я сразу узнала Арбат – живой, поэтичный, прекрасный! Слышала, что москвичи долго не принимали его «офонаревший» облик, а мне арбатские светильники показались очень даже милыми. Но я – сибирячка, наверное, мы все видим иначе...

Помню, как на Арбате мне захотелось отделиться от ребят и окунуться в московское одиночество, не холодно-тоскливое, а радостное. Но я побоялась потеряться, и сожаление об этом время от времени поднимает голову. Хотя каждая минута, проведенная в Главном Городе,

осталась в памяти теплым светлячком, которого я иногда извлекаю из груди воспоминаний, рассматриваю, люблюсь.

Самое забавное вовсе не то, что я оказываюсь в Москве. И даже не то, как отчетливо помнится этот сон, со всеми запахами и отзвуками голосов, чего обычно со мной не бывает – ночные видения улечиваются из памяти уже в тот момент, когда я открываю глаза... Но сильнее всего на этот раз поражает то, что я не я в том сне. Возникло ощущение, будто каким-то образом я вселилась в тело красивого парня – замечаю «свое» отражение в витрине: мягкие губы, трогательные ямочки на щеках, прямой нос, высокий лоб, пшеничные волосы. Но главное – глаза. Серо-голубые, узорчатые, доверчивые, как у ребенка... Их невозможно разглядеть в отражении, но я помню эти глаза, значит, в этот момент я уже оказалась вне его тела и взглянула со стороны. Взглянула и обмерла...

Как это получается у природы? Нельзя сказать, что его черты идеально-правильны, но их сочетание обворожительно настолько – глаз не отвести. Впервые пробуждение вызывает у меня отчаяние до стоны: хочется продлить очарование, чувствуя, как тоскливо щемит сердце: не мое... И моим не будет никогда. Похоже, это и называют «сладкой болью».

Только он не дает мне возможности упиться ею. Этот парень и не смотрит на себя... По витрине взглядом – вскользь, а потом, даже не заметив собственного отражения, прищуривается на старинную, изрядно пожелтевшую лепнину особняка. В эти минуты я вижу мир его глазами и через объектив дорожущего аппарата, висящего у фотографа на шее. Это так странно и... завораживающе!

С Арбата он уже свернул, бредет какими-то улочками, названия которых я не знаю, а ему нет нужды смотреть на таблички с адресами, все названия давно известны. Москва – его город. Не могу объяснить, как я почувствовала это... Может, потому, что он (и я с ним) ничему не удивляется, хоть и выискивает неожиданные детали: причудливые наряды подростков и шляпки старушек; лица малышей, погруженных в познание мира; презрительные косячки взгляды.

Неожиданно в заднем кармане его джинсов оживает телефон, и я ощущаю вибрацию. Это уже нечто сверхъестественное, я даже пугаюсь в первый момент. Но уже в следующий миг любопытство вытесняет страх: «А мне удастся услышать то, что ему говорят?»

Голос в трубке оказывается мужским, в нем чудятся теплые нотки:

– Привет, Макс! Зайдешь на обед? Оля приглашает.

Макс. Я не забуду.

– Она готовит медальоны из телятины...

В этот момент Макс замечает голубей, эполетами сидящих на плечах небольшого памятника Пушкину, улыбается и снимает их одной рукой. В трубку отвечает столь же приветливым тоном:

– Спасибо, пап! Но я забурился с фотиком, а это надолго, ты же знаешь. Обедайте без меня. Ольге привет!

Почему-то мне приятно то, что они близки с отцом так же, как и мы с моим папой, и все знают друг о друге. Только настораживает прозвучавшее имя – явно речь идет не о матери Макса, не стал бы он называть ее по имени, мы ж не в Америке... Его родители в разводе? У отца новый брак? Но сын принял это, судя не только по тону разговора, – обедать в новой семье отца для него, похоже, обычное дело.

Мы с Максом (или все же он?) уже сбегает по ступеням подземного перехода и оказываемся на другой стороне Нового Арбата, но шумную улицу он отвергает, сворачивает на боковую. Название прочесть не успеваю, зато улавливаю, что здесь ему нравится: каждая улыбка Макса рождает теплую волну, которую я странным образом ощущаю и тоже улыбаюсь в ответ. Если, конечно, спящий человек может улыбнуться...

Мимо стремительными стрекозами проносятся музыкальные фразы, не связанные друг с другом, разнородные, но вместе с тем не создающие дисгармонии. Где же мы?

Нет, даже не допускаю мысли, что могу управлять Максом, и все же почему-то он поворачивается, когда я умоляю его взглянуть на здание, из которого доносится музыка. И ахаю, узнав знаменитый бронзовый памятник Елене Фабиановне Гнесиной, который много раз видела на фотографиях. Разве можно забыть этот крылатый рояль?

За ним концертный зал Гнесинки, о которой я мечтала когда-то, но даже не рискнула приблизиться... Мой уровень – провинциальное музучилище, которое я окончила по классу гитары и давно смирилась с этим.

Зачем же Макс привел меня сюда?

– Спасибо, – шепчу я, хоть и понимаю, что ничего подобного не было в его мыслях.

С другой стороны, разве мне известно, о чем думает этот человек и почему выбрал для прогулки Поварскую улицу? Но любой другой уголок Москвы ничего для меня не значил бы, ведь я не мечтала о нем. Только о Гнесинке.

Неожиданно Макс усаживается на скамейку и наблюдает за ребятами, которые кажутся мне небожителями. Они явно из того мира, к порогу которого я даже не решилась приблизиться.

– Да я, блин, все слил под рояль!

– Ну понятно, у тебя ж там сплошная ща-бемоль-мозоль...

Кажется, Макс не понимает, о чем они говорят, а мне известен сленг музыкантов, и я мысленно поясняю, что первый из них жалуется, что сыграл из рук вон плохо, а второй утешает его, ссылаясь на труднейшую партитуру.

Меня обдает теплом – Макс улыбается... Неужели услышал?!

– Позвольте?

Пожилая женщина указывает на другой край скамьи, Макс быстро окидывает взглядом остальные – все заняты.

– Прошу, – отвечает он не слишком любезно, и мне становится неловко за него. Тон значит для меня куда больше слов, может, потому что я всю жизнь занимаюсь музыкой.

Похоже, эта дама тоже – у нее длинные чуткие пальцы. Сцепив их на колене, она погружается в задумчивость, и это уже само по себе необычно: не достала ни телефон, ни книгу... Я невольно начинаю разглядывать ее и прихожу к выводу, что лет тридцать назад она была чудо как хороша! Сейчас овал лица оплыл, шея стала дряблой, веки набрякли, сузив глаза, в темных волосах седина... Но в моем возрасте мужчины наверняка не могли оторвать от нее взгляда.

Наверное, потому, что все происходит во сне, я внезапно чувствую ее досаду: стареть больно. Отвыкать от комплиментов, увиливать от любых зеркал, лишь бы не увидеть своего отражения... Ускользающая красота ранит больше, чем врожденная некрасивость, с которой успеваешь сродниться. А эта женщина привыкла к восхищению, которое старость растапливает, как льдину, погружая в стылую воду разочарования. И другой опоры нет...

– Вы пианистка? – неожиданно спрашивает Макс.

Едва заметно вздрогнув, она поворачивает к нему слегка ожившее лицо. Улыбка молодит его, подтягивая кожу.

– Верно. Вы бывали на моих концертах?

– Каюсь, не бывал.

– Как же вы...

– По рукам.

Она невольно вытягивает суховатые руки с коротко остриженными ногтями, разглядывает почти с отвращением – на потерявшей упругость коже проступают пигментные пятна.

«Скажи ей! – умоляю я Макса. – Что тебе стоит? А ей этих слов хватит на неделю! А может, на остаток жизни...»

Только Макс меня не слышит, в его голове толкутся свои мысли.

– Не могу сказать, что очень люблю музыку, – бормочет он, отведя глаза.

– Почему же вы проводите время здесь? Эта улица – музыкальный поток.

– Мне нравится наблюдать за музыкантами. Они забавные. Извините!

Только сейчас она замечает его Canon:

– Вы фотограф?

– Любитель. Мечтал стать профессионалом, но...

– Бывает.

Меня пронзает обидой, которую испытывает Макс, даже сердце сбивается с ритма. Он резко поворачивается к соседке:

– Думаете, мне таланта не хватило? Видите во мне лишь смазливый бездарь?

Такой напор пугает ее, и мне кажется, что сейчас эта дама просто сбежит... К моему удивлению, она не двигается с места и спрашивает с сочувствием:

– Нелегко вам, да? Мне известно, что значит быть заложником своей красоты... Никто не верит, будто ты обладаешь чем-то значительным, кроме своего лица. Шепчутся за спиной, сочиняют грязные сплетни. Добьешься чего-то, скажут: явно через постель... Останешься никем, позлорадствуют: мол, ничего из себя не представляешь, просто хорошенькая мордашка.

– Вы тоже с этим сталкиваетесь?

Ее смех похож на шелест нот:

– Уже нет, к счастью! Теперь меня воспринимают всерьез, в этом преимущество старения...

«Ну скажи! Это ведь бравада, разве ты не понимаешь?» Как мне достучаться до него?

В тот миг, когда я вспоминаю, что эти люди лишь сняты мне и все происходящее не имеет значения, Макс наконец произносит те слова, которых мы обе от него ждали:

– Вы очень красивая женщина. Ваше лицо из тех, что остаются вне времени... Сколько бы лет вам ни исполнилось, вы будете притягивать взгляды. Это я вам как фотохудожник говорю.

Вот почему я просыпаюсь счастливой!

* * *

Она не возразила, что никакой я не фотохудожник, а так – менеджер средней руки в отцовской компании. Последнего стареющая пианистка, конечно, знать не могла, но я же признался ей в непрофессионализме.

Какого черта меня потянуло на откровенность? В жизни не болтал с тетусками на лавочках... А тут еще пустился комплименты делать! Будто что-то вселилось в меня, заставляя произносить не те слова, которые обычно срываются с моего языка. Чем таким я накануне обдолбался в клубе?!

К счастью, в постель она меня не потащила. А можно было ожидать... Говорят, такие вот увядающие красавицы особенно охочи до молодого тела. Я, конечно, послал бы ее подальше, но от того, что делать этого не пришлось, мне как-то полегчало...

Забавная вышла прогулка, ничего не скажешь. Особенно удивило то, что меня вынесло к зоопарку, где я не бывал с детства. Тогда меня водили отец с Ольгой. Может, и мама с Коноваловым тоже, но этого я уже не помню.

В этой связке опять возникла мысль о брате: каким он вырос? Похож на нас с мамой? Или на своего сраного отца? Тогда я с ним и знаясь не захочу, это сто процентов. Но увидеть хочется...

Зачем? Маму он помнить не может, а что еще нас связывает? В голос крови я верю еще меньше, чем в бога... Нет, в него я все же скорее верю, чем нет, но при этом абсолютно не рели-

гиозен. Хотя батя с женой пытались затащить меня во все окрестные церкви и даже возили в Троице-Сергиеву лавру. Там хорошо...

Только я чуть не выскочил из того самого старого храма, где и хранятся мощи преподобного Сергия, потому что ощутил покаяние в макушке и перепугался до смерти! Мне почудилось, будто в меня вселяется Нечто. То же самое я испытал и неделю назад возле Гнесинки... И после все ломал себе голову, что такое происходило со мной?

Но возле зоопарка отпустило, и я снова стал самим собой – засранцем, способным произнести добрые слова только внутри семьи. Какой бы она ни была... Моя – очень маленькая.

Я никогда не спрашивал, почему отец с Ольгой не родили общего ребенка. Не хочу знать, что у них там со здоровьем... Нет, я, конечно, вывернусь наизнанку, если кто-то из них заболеет. Добуду денег, найду врача, клинику и все в таком роде, но памперсы менять я не готов. Ни одному из них... Так что дай бог им здоровья!

Зачем-то я все же поперся в зоопарк, хотя в планах у меня этого не было. Может, подсознательно захотелось прочистить чакры, источающие умиление, если уж я собрался найти своего брата...

А я хочу этого?

Отмахнувшись от необходимости принимать решение, я бродил от клетки к клетке, снимал развалившихся в дреме диких кошек, дурацких обезьян, потешных дерганных сурикатов... На одном из кадров схвачен полный лютой ненависти взгляд волка – ни хрена он не благодарен людям за то, что его кормят и обихаживают. Его природа требует охоты, погони, ему страсть как хочется впиться клыками в живое горло, захлебнуться теплой кровью. Без этого он – не он.

А чего требует моя? От всего, что я имею, меня подташнивает... А имею я то, о чем другие грезят в своей неизбывной нищете. К чему же, маза фака, стремиться такому, как я?!

Тут я и увидел его... Серый неуклюжий слоненок гонялся по вольеру за вороной, которая явно дразнила его. Вороны еще те суки, любят поиздеваться над более слабыми или тупыми. А слоненок как раз выглядел туповатым, как все детишки его возраста. И, конечно, не догадывался, каким страшеньким, если разобраться, создала его природа... Поэтому веселился от души, размахивая хоботом, а публика прямо растекалась от умиления.

А я только глянул на него, и сразу же вспомнилась та Женя из моих снов. Ну один в один слоник! Только она-то взрослый человек и точно не страдающий умственной отсталостью... Как же ей удастся топать по жизни с улыбкой, которая даже не выглядит вымученной или натянутой?!

Ну да, она уже не один раз мне приснилась. Так и вламывается со всей дури по ночам в мой мозг! Это становится похоже на некую навязчивую идею. И как от нее отделаться? Не имею ни малейшего представления...

Неожиданно я поймал себя на том, что улыбаюсь, наблюдаю за слоненком. Надо признать, он милый. Погладить бы... Какой он на ощупь? Только его гигантская мамаша наверняка тут же руку переломит, если протянешь. Лучше не пробовать... Да и не достанешь никак.

Слониха косила на своего ребенка усталым глазом, но не останавливала – чем бы дитя ни тешилось. А дитя все же вмочилось лобешником в старый дуб, за который спряталась паскудная ворона. Народ дружно охнул и запричитал, даже у меня вырвался сдавленный вопль, когда слоненок упал на колени. А потом, как все малыши на свете, он бросился к маме, уткнулся в ее ноги-столбы, а она обняла его хоботом.

Сроду не подумал бы, что у меня могут вернуться слезы из-за такой ерунды. Но я внезапно ощутил себя таким вот малышом... Только мне-то не к кому броситься за утешением. Нет у меня мамы. А те расчетливые сучки, что в ночь на субботу оказываются в моей постели, не имеют ни малейшего представления о том, что такое жалость. Любовь. Да я и сам представляю это весьма смутно...

Не скажу точно, но, кажется, именно в тот момент, переживая за дурацкого слоненка, я и решил, что найду своего брата, чего бы мне это ни стоило.

И речь вовсе не о деньгах...

* * *

Мои чудесные старички кружатся в вальсе медленно, как хрупкие бокалы с выдержанным вином, которые от любого неосторожного движения могут соскользнуть с подноса. Я не опускаю глаз, перебирая струны, знаю, что мой взгляд их давно не смущает. Для каждого из них я как внучка, которой кое у кого из них и не было.

За окнами уже густой вечер, в сентябре стало темнеть раньше, а мне еще одной добираться до дома. Но у меня язык не поворачивается объявить, что им пора отпустить меня. Пусть дежурная медсестра станет гонцом, принесшим неприятную весть. Это не очень благородно по отношению к ней, но мне давно известно, что постояльцы дома престарелых и без того недолюбливают Елену Всеволодовну. Я ни с кем не делюсь, но мне она даже внешне здорово напоминает старшую медсестру Милдред Рэтчед из культового фильма «Пролетая над гнездом кукушки». Не у меня одной могла возникнуть пугающая ассоциация... Хотя некоторые сердятся всего лишь на трудное отчество, которое непросто выговорить со съемными протезами во рту. И все же большинство считает ее равнодушной формалисткой, а ведь пансионат именуется «Вечная любовь». Так и тянет пропеть его название...

Французские мелодии моя гитара тоже знает, но сейчас я в качестве намека играю «Вальс расставания» Френкеля. Они называют его песенкой из фильма «Женщины». Шопен и Чайковский уже отзвучали, но старички еще полны энтузиазма и не собираются сдаваться сну, ведь я появляюсь у них только раз в неделю, по воскресеньям, когда не работаю в школе. Они готовятся к этому вечеру, наряжаются, некоторые подкрашивают губы, брызгаются духами. И это вовсе не жалкое зрелище, как может вообразить посторонний! Напротив, меня восхищает стойкость этих людей, готовых сражаться за каждый час своей жизни, чтобы не уступить его унынию. Им всем за восемьдесят, а то и за девяносто, и они не пытаются молодиться – кого тут обманешь? Но эти люди делают все, чтобы с достоинством прожить отпущенный им срок... Разве это не вызывает уважение?

Правда, мое убеждение разделяют не все, даже среди постояльцев. Я точно знаю, что за моей спиной в кресле у окна сидит грузная и грозная старуха с седым «ежиком» на голове, которую за глаза все зовут Профессоршей, хотя никто точно не помнит: то ли Вера Константиновна сама носила это ученое звание, то ли была женой профессора... Она всегда читает, когда я прихожу, и ни разу не то что не выходила танцевать и не подхватывала песню, которую затягивают дребезжащие голоса ее товарок под мой аккомпанемент, Профессорша даже головы не поднимает, когда я вхожу в обнимку с гитарой. Я продолжаю здороваться с ней, хотя она никогда не отвечает. Вряд ли мне доведется когда-нибудь встретиться с ней глазами.

Зато сухонькая Эмилия, вопреки возрасту обожающая мини и декольте, обожает поболтать. Но не в ущерб танцам – тут ей нет равных. Ума не приложу, как эта юркая женщина с неисчерпаемой энергией вечного двигателя оказалась в доме престарелых? Злые языки нашептывают, что Эмилия прячется здесь от дурной славы, которую заработала «на воле». Сплетням я не особо доверяю, хотя когда в июле увидела эту даму, загорающую топлес прямо на лужайке пансионата, сама застыла как пугало.

Обычно она перехватывает меня, пока я настраиваю гитару:

– Женечка, я рассказывала вам, что танцевала в группе Бориса Моисеева? Борюсика – так мы его звали.

Я слышала это раз двадцать минимум и уверена, что Эмилия помнит об этом не хуже меня. Но мое поддельное изумление доставляет ей удовольствие, она готова закрыть глаза на то, что актриса я так себе...

– Неужели?

– Да-да. – Эмилия энергично трясет собранными на макушке кудрями. – Это были мои лучшие годы.

– Не свисти, – гудит от окна Вера Константиновна, не отрываясь от книги.

Эмилия игнорирует ее, точно кулер в углу, который тоже булькает время от времени. Ее острое лицо принимает мечтательное выражение:

– Борюсик был сказочно хорош в те годы! Бедняга, какой бесславный конец... Я была до того расстроена, даже не смогла пойти на похороны.

От окна доносится фыркание, значение которого считывается, как «кто бы тебя пустил туда?!». Но я слушаю Эмилию с тем вниманием, которого жаждет ее душа. Я знаю, что она все сочиняет, только кому от этого хуже? Она же ничего не спрашивает у меня, ей просто необходимы чьи-то уши.

– А Слава Зайцев? – не унимается Эмилия. – Он же нас всех одевал. О, какие наряды у меня были! И он каждый раз повторял, что у меня самая тонкая талия из всех живущих. Посмотрите, Женечка!

Она обхватывает свою и впрямь осиную талию и торжествующе глядит на Профессоршу. Я понимаю, что это камень не в мой огород, и стараюсь не обижаться. Байку о модельере я слышу от нее впервые, должно быть, его недавняя смерть стала для Эмилии стимулом для фонтанирования.

От окна доносится шелест:

– Сухостой...

Эмилия делает вид, будто не расслышала.

– Гений! – вздыхает она. – И где похоронили? Зарыли в каком-то Щелкове, стыд-позор! Это же Слава Зайцев – гордость страны!

– Говорят, на то была его воля, – вставляю я робко.

В конце концов, я тоже знаю об этом лишь понаслышке. Эмилия в изнеможении закатывает глаза:

– Лежать в Щелкове? Вы хоть раз бывали в Щелкове? Кто вообще знает этот город?

– Теперь знают. Зайцев ведь жил там в последние годы...

Она спохватывается:

– Ну да, конечно. Я в курсе. Я-то бывала в его загородном доме... Да что ты пыхтишь там?! – набрасывается Эмилия на Профессоршу. – Ты-то что знаешь об этом?

– Упаси бог, – басит Вера Константиновна. – Вот уж о чем мне совершенно не хочется ничего знать.

Выпив острый подбородок, Эмилия огрызается:

– Тебе и незачем. С твоей комплекцией только парашюты носить!

Я замечаю, как Профессорша ухмыляется, чуть приподняв брови. И хоть на меня она не смотрит, Эмилия спохватывается:

– Женечка, к вам это не относится. Вы – девушка молодая, еще можете сделать липосакцию.

– Зачем? Меня все в себе устраивает.

Вот тут Вера Константиновна неожиданно поднимает глаза, и мы смотрим друг на друга – два бойца, пытающиеся выстоять против мира, который настаивает, чтобы мы перестали быть собой. Через секунду она снова утыкается в книгу, но возникшая между нами связь уже не исчезнет, мы обе это понимаем.

На Эмилию эта энергетическая нить действует точно разряд тока – она начинает мелко подергиваться, словно сама поняла, какими жалкими выглядят все ее потуги забраться на чужой пьедестал. А слезать на глазах у всех неловко.

– Ну как хотите, – бормочет она, обглаживая свои бедра. – Каждому свое.

– Написали фашисты на воротах Бухенвальда...

Эмилия взвизгивает, смотрит на Профессоршу волчьим взглядом:

– Что ты сказала?!

– Исторический факт. Перевод латинской фразы *suum cuique*... Нацистам она пришлась по душе, вот они и использовали ее в качестве девиза, чтобы заключенные лицеизрели ее каждый день и не сомневались, что заслуживают такой участи.

– А я тут при чем?!

– Ты? А разве о тебе речь?

Мне слегка не по себе от того, что Вера Константиновна так откровенно издевается над Эмилией. Умному человеку не к лицу унижать глупца, он уже обижен природой. И как бы Эмилия ни хорохорилась, вряд ли ей в радость заканчивать жизнь в доме престарелых.

Вспомнив, что купила для папы новый набор маленьких шоколадок к вечернему кофе, я вытаскиваю его из сумки, открываю и протягиваю Эмилиии:

– Угощайтесь! Давайте поднимем настроение.

Кажется, она не сразу понимает, чего я хочу от нее, смотрит на меня, потом на шоколад и снова поднимает глаза:

– Это мне? Спасибо...

Но вожжа снова попадает ей под хвост, и она добавляет:

– Мне с моей фигурой не повредит!

Но я уже направляюсь к Профессорше:

– Прошу вас!

– Благодарю, – цедит она. – Мне нельзя – диабет.

Мне тут же вспоминается чудесный фильм «Шоколад» и героиня Джуди Денч, которая предпочла сладкую смерть, но Вере Константиновне я об этом не говорю. Она вправе сделать иной выбор.

– Извините. – Я прячу шоколад в сумку. Не жевать же на глазах у диабетика!

Хотя Эмилию ничто не смущает, она, причмокивая, смакует каждый кусочек. И мечтательно тянет:

– Вот она – дольче вита...

Мне с трудом удастся удержаться от смеха!

А небольшой зал уже заполняется нарядными старичками, вызывающими у меня нежность, и я охотно беру гитару. Некоторые выглядят смущенными, будто пришли на первое свидание. Они бросают по сторонам короткие взгляды, пытаюсь заметить – интересны ли кому-нибудь? Полчаса назад все эти люди ужинали в одной столовой, а сейчас ведут игру, понятную каждому, притворяются, будто встретились после долгой разлуки.

– Зинаида Николаевна, чудесно выглядите!

– Благодарю вас, Андрей Никифорович. Как ваш артрит?

– Вашими молитвами... Так что, мы сегодня с вами тряхнем стариной, а?

– Ну о чем вы? Какая старина?

– И впрямь, о чем это я?

Ни к чему не обязывающие фразы порхают по залу, заставляя Профессоршу ухмыляться с выражением: «Какие идиоты!» А я просто кайфую от таких разговоров, мне недоступных. Мы никогда не станем одной семьей, я это понимаю. Мне хватает папы и Милки, чтобы не чувствовать себя одинокой...

Но сегодня я подарю им вечер, сотканный из вальсовых переливов и ароматов юности, оживающих в памяти. Если они даже слегка захмелеют, не страшно! Опьянение иллюзиями и воспоминаниями самое приятное.

* * *

Офигеть можно, Коновалов все еще живет в том же доме!

Я не особо надеялся найти его, когда приехал в Бибирево. Был уверен, что вообще не узнаю район, ведь мне было семь лет, когда батя увез меня отсюда. Как оказалось, не навсегда: вот принес меня черт! И я же узнал этот проклятый двор, где видел маму в последний раз. Даже то, что деревья подросли, его особо не изменило.

И подъезд сразу вспомнил: уже тогда рядом на стене красовалось граффити, изображающее какого-то урода, похоже, Коновалова. Охренеть можно – оно никуда не делось! Четверть века прошло, а здесь все точно законсервировалось. Каким я вырос бы тут? Кем стал мой брат?

Время я выбрал сознательно – поздний вечер. В такой час Коновалов должен вернуться с работы, чем бы он сейчас ни занимался. Но вряд ли он уже улегся спать, так что есть шанс дозвониться. Хотя, направляясь к знакомому подъезду, я был почти уверен, что отчим уже съехал отсюда. Кто остается в квартире, полной мучительных воспоминаний?

Он остался.

Даже не спросил: «Кто?», открыл дверь сразу, но меня, конечно, не узнал. А я его – мгновенно. Мне показалось, на нем были все те же треники и черная футболка... Хотя, понятно, он постарел, усох, черты заострились и все такое. Но это была его длинная физиономия с непропорционально коротким носом и неприязненным взглядом из-под нависших бровей. Так выглядит маньяк-убийца в дешевом фильме, его считаешь с первого взгляда.

– Что нужно? – буркнул он, почти не разжимая губ.

Я произнес то, с чего планировал начать:

– Ваш сын дома?

Ожидалось, что он обернется и гаркнет в полумрак невидимой части квартиры:

– Ванька (Пашка, Сережка), тут к тебе!

Мне ведь хотелось повидать брата, с Коноваловым говорить было не о чем. Я увел бы Ваньку (Пашку, Сережку) во двор, мы уселись бы в проржавевшей беседке и попытались бы найти что-то общее.

Но этого не случилось.

– Какой сын? – Коновалов разве что не сплюнул. – Нет у меня никакого сына.

Это было неожиданно.

– Нету? – переспросил я так растерянно, что он внезапно смягчился.

– А ты откуда? По мобилизации, что ли?

– Ну да, – ухватился я и для вида полез в телефон. – Вот ваш адрес. Коновалов... Родился восемнадцатого февраля девяносто девятого года. Вот с именем какая-то путаница.

Я замер, глядя на него почти умоляюще, но Коновалов смотрел куда-то сквозь меня. Ему хоть иногда видится мама, с которой он даже не поехал в роддом?

– Андрей Анатольевич, – наконец произнес он. – Так вот. Только он никогда тут не жил.

У меня вскипело в голове:

– В смысле?!

– Ищите сами.

Он попытался закрыть дверь, но моя нога уже оказалась между нею и порогом. Его лицо на миг исказилось ужасом, кажется, до него дошло, что я не тот, кем назвался. Коновалов попытался поднажать, но я с яростью толкнул дверь обеими руками, и он отлетел вглубь коридора. Шагнув внутрь, я быстро закрыл за собой дверь: свидетели мне ни к чему.

Попытившись, Коновалов принялся делать руками какие-то странные движения, видно, пытался нащупать – чем бы меня согреть. А я наступал на него...

– Какого хрена? – произнес я тихо, но так, чтобы он расслышал. – Куда ты дел своего сына?

– Да не было у меня никакого сына! Не забирал я его. Мать его умерла при родах... А мне одному как с мальцом? Вообще нереально...

У меня аж свело живот:

– Ты бросил его в роддоме?

Коновалов уперся спиной в стену:

– Ну как бросил? Все по закону. Подписал все что надо. Его, поди, сразу усыновили, малышей же хорошо разбирают. Я поспрашивал... А ты вообще кто такой? Не из военкомата же, так?

Он все еще не узнавал меня, хотя я по фотографиям видел, что похож на маму, как брат-близнец. Ей тоже было тридцать, когда она умерла... Как этот ублюдок смеет не узнавать меня?!

В ушах шумело – так хотелось вмазать ему. Но я заранее договорился с собой, что не сделаю этого: позднее Коновалов все же может сообразить, кто я такой, и стукнуть в полицию. А мне эти приключения ни к чему... Тут уж или убивать его, не оставляя улик, или не трогать вообще.

Я повернулся и направился к выходу, оставив его спутанным сомнениями. Пусть терзается, скотина! Это ж надо, бросил своего ребенка в роддоме... Моего брата.

У меня так тряслись руки и подкашивались колени, что возле подъезда я так и рухнул на узкую скамейку. Хорошо, она оказалась пуста... Вот уж не думал, что встреча с этим уродом отнимет столько сил! Может, все же стоило врезать ему, самому полегчало бы...

Чтобы успокоиться, я попытался думать о маме, но сердце заколотилось еще сильнее. Знала бы она, что малыша, которому она в прямом смысле отдала жизнь, бросят на произвол судьбы... Черт! И я за столько лет не удосужился узнать о нем. У меня аж горло свело, так захотелось зарычать от ярости на весь двор.

Неожиданно мои мысли переметнулись к Жене... Хотя какое отношение она имеет к моей жизни? Да ведь она даже не существует на самом деле! Смешная девчонка из дурацких снов. Едва заметно подергивает подбородком, когда играет на гитаре, не поймешь – то ли расхохочется сейчас, то ли заплачет... Смотрит на этих нелепых стариканов, которые сучат ножками, изображая вальс, с таким выражением, точно любит их всех как родных. Разве такое возможно на самом деле?

Это было в сегодняшнем сне, и, открыв глаза, я все еще слышал музыку, которую она играла. Знакомое что-то...

Вот же фигня какая! Меня сразу отпустило, как только я представил ее. Думаю, все дело в том, что эта дурашка как советский мультик – вечно на позитиве. От того и я начинаю улыбаться, думая о ней. Человек-иллюзия. Не фантазия, нет! О такой, как она, я точно не стал бы фантазировать...

Забавно, если она снится мне потому, что я встречал ее в реальности. На какой-то улице, в супермаркете, где еще можно встретить такую? В метро я не езжу. Вот там наверняка полно таких толстых девах в бомберах... Зрелище не для слабонервных.

А я, похоже, как раз из таких, потому что мне понадобилось закурить, как только выбрался из этой проклятой квартиры. Сигарета и мысли о Жене – вот что способно меня успокоить. Причем в обратном порядке.

Страхивая пепел на разбитый асфальт, помнивший каблучки маминых туфель, я пытался понять, почему она ушла от моего симпатичного и доброго бати к такому убожеству, как Коновалов. Ну не мог отец быть плохим мужем, судя по тому, как он относится к Ольге... Совсем

не такой уж неземной красавице, которая и моложе всего на два года, так что не за этим гонялся.

Тогда отец, конечно, еще не стал успешным человеком, ему повезло уже после их развода: бывший препод взял его в дело, и у них неожиданно получилось. Мне кажется, отец до сих пор не может поверить в то, что руководит пусть не самым большим, но весьма достойным бизнесом, даже ничего не украв...

Мама не дождалась этого момента? Но ведь и Коновалов не жировал. Что у него было, кроме этой двушки, оставшейся от родителей, угодивших в тот самый теракт в московском метро?

Нет, не верю я, что моя мама была стяжательницей... Или отец скрытым садистом... За двадцать с лишним лет, что я жил с ним, это уж как-нибудь да проявилось бы.

И потом, есть всякие детали, которые подсказывают, как он любил ее... Старые фотографии, где они гуляют в компании, и молодой Оленин смотрит не в объектив, как остальные, а на нее, пугающе похожую на меня. Только глаза у мамы были темные, карие, мне достались папины.

Еще коробочка с потускневшим обручальным кольцом... Он хранит ее в ящике стола в своем офисе: на днях мне понадобилась одна папка, которую батя разрешил поискать у него, и я случайно наткнулся. Зачем беречь кольцо, если брак ничего для тебя не значил?

А недавно он заметил, что когда я волнуюсь, то начинаю слегка пришепetyвать, в точности как мама. Помнит! Такие мелочи хранит в памяти... Из-за чего же они расстались? Как большинство – из-за ерунды, о чем потом тысячу раз пожалели? Или просто в один будничней день все прошло? И не хотелось больше ни смотреть, ни касаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.